

Саламбо

Автор:

Гюстав Флобер

Саламбо

Гюстав Флобер

Гюстав Флобер в романе «Саламбо» обратился к истории древнего Карфагена (III век до н. э.) и создал удивительно живописное произведение, в котором обилие исторической конкретики, описание материальной культуры, нравов не заслоняют нравственных и философских проблем, понятных и близких современному читателю: любовь и верность, доброта и жестокость, цивилизация и варварство. У Саламбо – романтическая натура и драматическая судьба; любовь и смерть – вот начало и финал ее жизни на страницах романа.

Гюстав Флобер

Саламбо

Пир

Это было в Мегаре, предместье Карфагена, в садах Гамилькара[1 - Гамилькар Барка (то есть «молния») – карфагенский полководец в 1-й Пунической войне (264–241 гг. до н. э.). Непрестанно тревожил прибрежную Италию нападениями из Сицилии. После морского поражения, нанесенного римлянами другому карфагенскому полководцу, Ганнону*, при Эгатских островах (241 г. до н. э.), Гамилькар заключил мир с Римом. Возвратясь в Карфаген, он жестоко подавил восстание наемных войск. После этого Гамилькар отправился на помощь карфагенским колониям в Испании, которую почти всю завоевал. Там он был

убит (228 г. до н. э.).*Ганнон – начальник карфагенского флота, разбитого в 241 г. при Эгатских островах римлянами. Вскоре после этого был распят в Карфагене.]].

Солдаты, которыми он командовал в Сицилии, устроили большое пиршество, чтобы отпраздновать годовщину Эрикской битвы[2 - Эрикская битва – сражение за город Эрике в Западной Сицилии, захваченной Гамилькаром Баркой во время 1-й Пунической войны. Римлянам так и не удалось выбить его оттуда, и он покинул свои укрепленные позиции только после заключения мира между Римом и Карфагеном.], и так как хозяин отсутствовал, а их было много, они ели и пили без всякого стеснения.

Начальники, обутые в бронзовые котурны[3 - Котурны – род высоких башмаков, зашнурованных до колен.], поместились в среднем проходе под пурпуровым навесом с золотой бахромой. Навес тянулся от стены конюшен до первой террасы дворца. Простые солдаты расположились под деревьями; оттуда видно было множество строений с плоскими крышами – давальни, погреба, амбары, хлебопекарни, арсеналы, а также двор для слонов, рвы для диких зверей и тюрьма для рабов.

Фиговые деревья окружали кухни; лес смоковниц тянулся до зеленых кущ, где рдели гранаты меж белых хлопчатников; отягченные гроздьями виноградники поднимались ввысь к ветвям сосен; под платанами цвело поле роз; на лужайках местами покачивались лилии; дорожки были посыпаны черным песком, смешанным с коралловым порошком, а посередине тянулась аллея кипарисов, как двойная колоннада зеленых обелисков.

Дворец Гамилькара, построенный из нумидийского мрамора в желтых пятнах, громоздился в отдалении на широком фундаменте; четыре этажа его выступали террасами один над другим. Его монументальная прямая лестница из черного дерева, где в углах каждой ступеньки стояли носовые части захваченных вражеских галер, красные двери, помеченные черным крестом, с медными решетками – защитой снизу от скорпионов[4 - Скорпион – в данном случае большая боевая машина для метания стрел.], легкие золотые переплеты, замыкавшие верхние оконца, – все это придавало дворцу суровую пышность, и он казался солдатам столь же торжественным и непроницаемым, как лицо Гамилькара.

Совет предоставил им его дом для пира. Выздоровливавшие солдаты, которые ночевали в храме Эшмуна[5 - Эшмун – один из главных финикийских богов. Вместе с Ваал-Хаммоном (Камоном) и Танит входил в наиболее почитаемую триаду карфагенских божеств. Древними греками отождествлялся с богом-целителем Асклепием (римский Эскулап).], отправились сюда на заре, плетясь на костылях. Толпа возрастала с каждой минутой. Люди беспрерывно стекались ко дворцу по всем дорожкам, точно потоки, устремляющиеся в озеро. Между деревьями сновали кухонные рабы, испуганные, полунагие; газели на лугах убегали с громким блеянием. Солнце близилось к закату, и от запаха лимонных деревьев испарения потной толпы казались еще более тягостными.

Тут были люди разных наций – лигуры[6 - Лигуры – народность, населявшая южную часть древней Галлии. Отважные мореплаватели и солдаты, лигуры часто служили в наемных войсках.], лузитанцы[7 - Лузитанцы – жители древней Португалии (Лузитании).], балеары[8 - Балеары – жители Балеарских островов у берегов Испании.], негры и беглецы из Рима. Наряду с тяжелым дорийским говором раздавались кельтские голоса, грохотавшие, как боевые колесницы, ионийские окончания сталкивались с согласными пустыни, резкими, точно крики шакала. Грека можно было отличить по тонкому стану, египтянина – по высоким сутулым плечам, кантабра[9 - Кантабры – народность, населявшая Кантабрию, одну из областей древней Испании.] – по толстым икрам. На шлемах у карийцев[10 - Карийцы – одна из древних народностей Малой Азии. Очень часто служили в наемных войсках.] горделиво покачивались перья; каппадокийские стрелки расписали свое тело большими цветами; несколько лидийцев с серьгами в ушах садились за трапезу в женских одеждах и туфлях. Иные, намазавшись для праздника киноварью, похожи были на коралловые статуи.

Они разлеглись на подушках, ели, сидя на корточках вокруг больших блюд, или же, лежа на животе, хватали куски мяса и насыщались, упершись локтями, в мирной позе львов, разрывающих добычу. Прибывшие позже других стояли, прислонившись к деревьям, смотрели на низкие столы, наполовину скрытые пунцовыми скатертями, и ждали своей очереди.

Кухонь Гамилькара не хватало; Совет послал рабов, посуду, ложа для пирующих; среди сада, как на поле битвы, когда сжигают мертвецов, горели яркие костры, и на них жарили быков. Хлебы, посыпанные анисом, чередовались с огромными сырами, более тяжелыми, чем диски. Около золотых плетеных корзин с цветами стояли чаши с вином и сосуды с водой. Все широко раскрывали глаза от радости, что наконец можно наесться досыта. Кое-где затягивали песни.

Прежде всего им подали на красных глиняных тарелках с черными узорами дичь под зеленым соусом, потом – всякие ракушки, какие только собирают на карфагенских берегах, похлебки из пшена, ячменя, бобов и улитки с тмином на желтых янтарных блюдах.

Вслед за тем столы уставили мясными блюдами. Подали антилоп с рогами, павлинов с перьями, целых баранов, сваренных в сладком вине, верблюжьи и буйволы окорока, ежей с приправой из рыбьих внутренностей, жареную саранчу и белок в маринаде. В деревянных чашках из Тамрапани плавали в шафране большие куски жира. Все было залито рассолом, приправлено трюфелями и асафетидой. Пирамиды плодов валились на медовые пироги. Было, конечно, и жаркое из маленьких собачек с толстыми животами и розовой шерстью, которых откармливали выжимками из маслин, – карфагенское блюдо, вызывавшее отвращение у других народов. Неожиданность новых яств возбуждала жадность пирующих. Галлы с длинными волосами, собранными на макушке кверху, вырывали друг у друга из рук арбузы и лимоны и съедали их с коркой. Негры, никогда не видавшие лангуст, раздирали себе лица об их красные колючки. Бритые греки, у которых лица были белее мрамора, бросали за спину остатки со своих тарелок, а пастухи из Бруттиума[11 - Бруттиум, или Бруттий – область древней Италии, современная Калабрия.], одетые в волчьи шкуры, ели молча, уткнувшись в тарелки.

Наступила ночь. Сняли велариум[12 - Велариум – полотняный навес над амфитеатром для защиты зрителей от дождя и солнца.], протянутый над аллеей из кипарисов, и принесли факелы.

Дрожащее пламя нефти, горевшей в порфириновых вазах, испугало на вершинах кипарисов обезьян, посвященных Луне. Их резкие крики очень смешили солдат.

Продолговатые отсветы пламени дрожали на медных панцирях. Блюда с инкрустацией из драгоценных камней искрились разноцветными огнями. Чаши с краями из выпуклых зеркал умножали увеличенные образцы предметов. Толпясь вокруг, солдаты изумленно в них гляделись и гримасничали, чтобы посмеяться. Они бросали друг в друга через столы табуреты из слоновой кости и золотые лопатки. Они пили залпом греческие вина, которые хранят в бурдюках, вина Кампаньи[13 - Кампанья – в древности одна из плодороднейших областей Средней Италии.], заключенные в амфоры[14 - Амфора – большой глиняный сосуд с узкой шейкой и двумя ручками; употреблялся для хранения жидкостей, особенно вина и масла, иногда украшался живописью.], кантабрийское вино,

которое привозят в бочках, и вина из ююбы, киннамона и лотоса. На земле образовались скользкие лужи вина, пар от мяса поднимался к листве деревьев вместе с испарением от дыхания. Слышны были одновременно громкое чавканье, шум речей, песни, дребезг чаш и кампанских ваз, которые, падая, разбивались на тысячи кусков, или чистый звон больших серебряных блюд.

По мере того как солдаты пьянели, они все больше думали о несправедливости к ним Карфагена.

Республика, истощенная войной, допустила скопление в городе отрядов, возвращавшихся из похода. Гискон[15 - Гискон - полководец в 1-й Пунической войне, участвовал в мирных переговорах с Римом в 241 г. Был послан Карфагеном в лагерь наемников и умерщвлен ими.], начальник наемных войск, умышленно отправлял их частями, чтобы облегчить выплату им жалованья, но Совет думал, что они в конце концов согласятся на некоторую уступку. Теперь же наемников возненавидели за то, что им нечем было уплатить. Этот долг смешивался в представлении народа с тремя тысячами двумястами эвбейских талантов[16 - Талант - весовая единица в греческих мерах. Брусок золота или серебра весом в талант служил денежной единицей.], которые требовал Лутаций[17 - Лутаций - (Гай Лутаций Катулл) - римский консул, номинальный победитель в решающей морской битве при Эгатских островах, закончившей 1-ю Пуническую войну. На самом деле римским флотом командовал Публий Валерий Фальтон.], и Карфаген считал наемников такими же врагами, как и римлян. Солдаты это понимали, и возмущение их выражалось в угрозах и гневных выходках. Они наконец потребовали разрешения собраться, чтобы отпраздновать одну из своих побед, и партия мира уступила, мстя этим Гамилькару, который так упорно стоял за войну. Она теперь кончилась вопреки его воле, и он, отчаявшись в Карфагене, передал начальство над наемниками Гискону. Дворец Гамилькара предоставили для приема солдат с целью направить на него часть той ненависти, которую те испытывали к Карфагену. К тому же устройство пиршества влекло за собой огромные расходы, и все они падали на Гамилькара.

Гордясь тем, что они подчинили своей воле Республику, наемники рассчитывали, что смогут наконец вернуться в свою страну, увозя в капюшонах плащей жалованье за пролитую ими кровь. Но под влиянием винных паров их заслуги стали казаться им безмерными и недостаточно вознагражденными. Они показывали друг другу свои раны, рассказывали о сражениях, о своих странствиях и об охотах у себя на родине. Они подражали крикам диких зверей,

их прыжкам. Потом начались отвратительные пари: погружали голову в амфоры и пили без перерыва, как изнывающие от жажды дромадеры[18 - Дромадер (мегари) – одногорбый верблюд. Ввиду его высоких боевых качеств использовался в военной кавалерии.]. Один лузитанец огромного роста держал на вытянутых руках по человеку и обходил так столы, извергая из ноздрей горячее дыхание. Лакедемоняне, не снявшие лат, делали тяжелые прыжки. Некоторые выступали женской походкой, с непристойными жестами, другие обнажались, чтобы состязаться среди чаш, как гладиаторы; несколько греков плясало вокруг вазы с изображением нимф, а в это время один из негров ударял бычьей костью в медный щит.

Вдруг они услышали жалобное пение, громкое и нежное; оно то стихало, то усиливалось, как хлопанье в воздухе крыльев раненой птицы.

Это были голоса рабов в эргастуле[19 - Эргастул – римская каторжная тюрьма для рабов. Имелась у каждого крупного рабовладельца. Такие тюрьмы существовали и в Карфагене, откуда римляне заимствовали основы рабовладельческой агрономии.]. Солдаты вскочили и бросились освобождать заключенных.

Они вернулись, с криком гоня перед собой в пыли около двадцати человек, пораженных бледностью лиц. На бритых головах у них были остроконечные шапочки из черного войлока; все были обуты в деревянные сандалии; они громыхали цепями, как колесницы на ходу.

Рабы прошли до кипарисовой аллеи и рассеялись в толпе; их стали расспрашивать. Один из них остановился поодаль от других. Сквозь разорванную тунику видны были его плечи, исполосованные длинными шрамами. Опустив голову, он боязливо озирался и слегка закрывал веки, ослепленные факелами. Когда он увидел, что никто из пугавших его вооруженных людей не выказывает к нему ненависти, из груди его вырвался глубокий вздох; он стал что-то бормотать и засмеялся сквозь радостные слезы, которые текли у него по лицу; потом схватил за ручки полную чашу и воздел ее к небу, вытянув руки, с которых свисали цепи; глядя ввысь и продолжая держать в руке чашу, он произнес:

– Привет прежде всего тебе, освободитель Ваал[20 - Ваал (Баал; множественное – Баалим, собственно – «господин») – божество у семитских народов; обычно упоминается вместе с названием местности, господином которой данный Ваал

является.] Эшмун, которого на моей родине зовут Эскулапом! Привет вам, духи источников, света и лесов! И вам, боги, сокрытые в недрах гор и в земляных пещерах! И вам, мощные воины в блестящих доспехах, освободившим меня!

Потом он бросил чашу и стал рассказывать о себе. Его звали Спендием. Карфагеняне захватили его в плен в Эгинской битве. Говоря на греческом, лигурийском и пуническом языках, он стал снова благодарить наемников, целовал им руки и наконец поздравил с празднеством, выражая при этом удивление, что не видит на пиру чаш Священного легиона. Чаши эти, с изумрудной виноградной лозой на каждой из шести золотых граней, принадлежали милиции, состоящей исключительно из молодых патрициев самого высокого роста, и обладание ими было привилегией, почти жреческой почестью; ничто среди сокровищ Республики так не возбуждало алчности наемников, как эти чаши. Из-за них они ненавидели Легион; иные рисковали жизнью ради неизъяснимого наслаждения выпить из такой чаши. Они сейчас же послали за чашами, хранившимися у Сисситов – купцов, объединенных в общества, которые собирались для совместных трапез. Все члены сисситских обществ в это время уже спали.

– Разбудить их! – приказали наемники.

Вторично посланные рабы вернулись с ответом, что чаши заперты в одном из храмов.

– Отпереть храм! – распорядились наемники.

И когда рабы, трепеща, признались, что чаши в руках начальника Легиона Гискона, они воскликнули:

– Пусть принесет!

Вскоре в глубине сада появился Гискон с охраной из воинов Священного легиона. Широкий черный плащ, прикрепленный на голове к золотой митре, усеянной драгоценными камнями, окутывал его всего, спускаясь до подков коня, и сливался издали с ночным мраком. Видны были только его белая борода, сверкание головного убора и тройное ожерелье из плоских синих камней, которое колыхалось у него на груди.

Когда он приблизился, солдаты встретили его криками:

– Чаши, чаши!..

Он начал с заявления, что своей храбростью они, несомненно, их заслужили. Толпа заревела от радости, рукоплеща ему.

Он прибавил, что ему это хорошо известно, так как он командовал ими в походе и вернулся с последней когортой[21 - Когорта – часть римского легиона.] на последней галере.

– Верно, верно! – подтвердили они.

Республика, продолжал Гискон, блюдет их разделение по племенам, их обычаи, их верования; они пользуются в Карфагене свободой. Что же касается чаш Священного легиона, то это частная собственность.

Тогда один из галлов, стоявший около Спендия, ринулся вдруг через столы и подбежал к Гискону, грозя ему двумя обнаженными мечами, которыми он размахивал в воздухе.

Гискон, не прерывая своей речи, ударил его по голове тяжелой палкой из слоновой кости. Варвар упал. Галлы зарычали, и бешенство их, сообщаясь другим, вызвало гнев легионеров. Гискон пожал плечами. Отвага его была бы бесполезна против этих неистовых, грубых животных. Потом он отомстит им какой-нибудь хитростью. Он сделал поэтому знак своим воинам и медленно удалился. Дойдя до ворот, он обернулся к наемникам и крикнул им, что они раскаются.

Пир возобновился. Но ведь Гискон мог вернуться и, обойдя предместье, доходившее до последних укреплений, раздавить наемников, прижать их к стенам. Они почувствовали себя одинокими, несмотря на то, что их было много. Большой город, спавший внизу в тени, стал пугать их своими громоздившимися лестницами, высокими черными домами и неясными очертаниями богов, еще более жестоких, чем народ. Вдали над водой скользило несколько сигнальных огней и виден был свет в храме Камона. Они вспомнили про Гамилькара. Где он? Почему он покинул их после заключения мира? Его пререкания с Советом были, наверное, только уловкой, имевшей целью их погубить. Неутоленная злоба

перенеслась на него, и они проклинали Гамилькара, возбуждая друг друга своим гневом. В эту минуту под платанами собралась толпа; она окружила негра, который бился в судорогах на земле; взор его был неподвижен, шея вытянута, у рта показалась пена. Кто-то крикнул, что он отравлен. Всем стало казаться, что и они отравлены. Солдаты бросились на рабов; над пьяным войском пронесся вихрь разрушения. Они устремились на что попало, разбивали, убивали; одни бросали факелы в листву, другие, облокотившись на перила, за которыми находились львы, побивали их стрелами; более храбрые кинулись к слонам; солдатам хотелось отрубить им хоботы и грызть слоновую кость.

Тем временем балеарские пращники обогнули угол дворца, чтобы удобнее было приступить к грабежу. Но им преградила путь высокая изгородь из индийского камыша. Они перерезали кинжалами ремни затвора и очутились перед фасадом дворца, обращенным к Карфагену, в другом саду, с подстриженной растительностью. Полосы из белых цветов, следуя одна за другой, описывали на земле, посыпанной голубым песком, длинные кривые, похожие на снопы звезд. От кустов, окутанных мраком, исходило теплое медовое благоухание. Стволы некоторых деревьев были обмазаны киноварью и похожи на колонны, залитые кровью. Посреди сада на двенадцати медных подставках стояли стеклянные шары; внутри их мерцал красноватый свет, они казались гигантскими зрачками, в которых еще трепетал взгляд. Солдаты освещали себе путь факелами, спотыкаясь на глубоко вскопанном спуске.

Они увидели небольшое озеро, разделенное на несколько бассейнов стенками из синих камней. Вода была такая прозрачная, что отражение факелов дрожало на самом дне из белых камешков и золотой пыли. На воде показались пузырьки, по ней скользнули сверкающие чешуйки, и толстые рыбы с пастью, украшенной драгоценными камнями, выплыли на поверхность.

Солдаты схватили рыб, просунули пальцы под жабры и с громким хохотом понесли их на столы.

То были рыбы, принадлежавшие роду Варка. Происходили эти рыбы от первобытных налимов, породивших мистическое яйцо, в котором таилась богиня. Мысль, что они совершают святотатство, вновь разожгла алчность наемников; они быстро развели огонь под медными сосудами и стали с любопытством глядеть, как диковинные рыбы извивались в кипятке.

Солдаты теснились, толкая друг друга. Они забыли страх и снова принялись пить. Благовония стекали у них со лба и падали крупными каплями на разодранные туники. Опираясь кулаками в столы, которые, как им казалось, качались подобно кораблям, они шарили вокруг себя налитыми кровью пьяными глазами, поглощая взорами то, что уже не могли захватить. Другие ходили по столам, накрытым пурпуровыми скатертями, и, ступая между блюд, давили ногами подставки из слоновой кости и тирские стеклянные сосуды. Песни смешивались с хрипом рабов, умиравших возле разбитых чаш. Солдаты требовали вина, мяса, золота, женщин, бредили, говоря на сотне наречий. Некоторые, видя пар, носившийся вокруг них, думали, что они в бане, или же, глядя на листву, воображали себя на охоте и набрасывались на своих собутыльников, как на диких зверей. Пламя переходило с дерева на дерево, охватывало весь сад, и высокая листва, откуда вырывались длинные белые спирали, казалась задымившим вулканом. Гул усиливался. В темноте завывали раненые львы.

Вдруг осветилась самая верхняя терраса дворца; средняя дверь открылась, и на пороге показалась женщина в черных одеждах. Это была дочь Гамилькара. Она спустилась с первой лестницы, которая шла наискось от верхнего этажа, потом со второй и с третьей и остановилась на последней террасе, на верхней площадке лестницы, украшенной галерами. Не двигаясь, опустив голову, смотрела женщина на солдат.

За нею, по обе стороны, стояли в два длинных ряда бледные люди в белых одеждах с красной бахромой, спадавшей прямо на ноги. У них не было ни волос, ни бровей, а пальцы были унизаны сверкающими кольцами. Они держали в руках огромные лиры и пели тонкими голосами гимн в честь карфагенской богини. То были евнухи, жрецы Танит[22 - Танит - финикийская богиня, обычно покровительница какого-либо города-общины. Как показывают многочисленные благодарственные надписи, она пользовалась огромной популярностью в Карфагене, где занимала первенствующее положение, даже по сравнению с Ваал-Хаммоном. У Флобера носит еще ряд имен: Раббет, Ваалет, Милитта и др.]; Саламбо часто призывала их к себе.

Наконец она спустилась по лестнице с галерами. Жрецы следовали за нею. Она направилась в аллею кипарисов и медленно проходила между столами военачальников, которые при виде ее слегка расступались.

Волосы ее, посыпанные фиолетовым порошком, по обычаю дев Ханаана, были уложены наподобие башни, и от этого она казалась выше ростом. Сплетенные нити жемчуга прикреплены были к ее вискам и спускались к углам рта, розового, как полуоткрытый плод граната. На груди сверкало множество камней, пестрых, как чешуя мурены. Руки, покрытые драгоценными камнями, были обнажены до плеч, туника расшита красными цветами по черному фону; щиколотки соединены золотой цепочкой, чтобы походка была ровной, и широкий плащ темно-пурпурного цвета, скроенный из неведомой ткани, тянулся следом, образуя при каждом ее шаге как бы широкую волну.

Время от времени жрецы брали на лирах приглушенные аккорды; в промежутках музыки слышался легкий звон цепочки и мерный стук сандалий из папируса.

Никто еще не знал Саламбо. Известно было только, что она жила уединенно, предаваясь благочестию. Солдаты видели ее ночью на кровле дворца коленопреклоненной перед звездами, в дыму возженных курильниц. Ее бледность была порождена луной, а веяние богов окутывало ее, точно нежной дымкой. Зрачки ее казались устремленными далеко за земные пределы. Она шла, опустив голову, и держала в правой руке маленькую лиру из черного дерева.

Солдаты слышали, как она шептала:

– Погибли! Все погибли! Вы не будете больше подплывать, покорные моему зову, как прежде, когда, сидя на берегу озера, я бросала вам в рот арбузные семена! Тайна Танит жила в глубине ваших глаз, более прозрачных, чем пузырьки воды на поверхности рек...

Она стала звать их по именам, которые были названиями месяцев:

– Сив! Сиван! Таммуз! Эдул! Тишри! Шебар! О, сжался надо мною, богиня!

Солдаты, не понимая, что она говорит, столпились вокруг нее. Они восторгались ее нарядом. Она оглядела их долгим испуганным взором, потом, втянув голову в плечи и простирая руки, повторила несколько раз:

– Что вы сделали? Что вы сделали?.. Ведь вам даны были для вашей услады и хлеб, и мясо, и растительные масла, и все пряности со складов! Я посылала за

быками в Гекатомпиль[23 - Гекатомпиль («стовратный») – греческое название древнеегипетского города Фивы.], я отправляла охотников в пустыню!

Голос ее возвышался, щеки зарделись.

Она продолжала:

– Где вы находитесь? В завоеванном городе или во дворце повелителя? И какого повелителя? Суффета[24 - Суффет – название двух главных должностных лиц Карфагенской республики. Обычно они были верховными судьями. Во время военных действий часто – главнокомандующими.] Гамилькара, отца моего, слугителя Ваалов. Это он отказался выдать Лутецию ваше оружие, обогренное кровью его рабов. Знаете ли вы у себя на родине лучшего полководца, чем он? Взгляните: ступени дворца загромождены вашими трофеями! Продолжайте! Сожгите дворец! Я увезу с собой духа-покровителя моего дома, черную змею, которая спит наверху, на листьях лотоса. Я свистну, и она за мной последует. Когда я сяду на галеру, змея моя поплывет за мной по пене вод, по следам корабля...

Тонкие ноздри девушки трепетали. Она обламывала ногти о драгоценные камни на груди. Глаза ее затуманились. Она продолжала:

– О бедный Карфаген! Жалкий город! Нет у тебя прежних могучих защитников, мужей, которые отправлялись за океан строить храмы на дальних берегах. Все страны работали на тебя, и равнины морей, изборозжденные твоими веслами, колыхались под грузом твоих жатв.

Затем она стала петь о деяниях Мелькарта[25 - Мелькарт (буквально – «царь города») – верховное божество в древнем Тире. Почитался у финикийцев как основатель и покровитель колоний, дарующий победу над варварами. Некоторые пунические имена образованы от имени Мелькарт, – например, Гамилькар, что означает «Мелькарт – мой брат».], бога сидонского и праотца их рода.

Она рассказала о восхождении на горы эрсифонийские, о путешествии в Тартес[26 - Тартес, или Таршиш – древний торговый город в Испании, расположенный на исчезнувшем к нашему времени острове в устье Гвадалквивира. Вел оживленную торговлю металлами.] и о войне против

Мазизабала в отпущение за царицу змей:

– Он преследовал в лесу чудовище с женским телом, с хвостом, извивающимся по сухой листве, как серебряный ручеек. И он дошел до луга, где женщины со спинами драконов толпились вокруг большого костра, стоя на кончике хвоста. Луна кровавого цвета сверкала, окруженная бледным кольцом, и их красные языки, рассеченные, точно багры рыбаков, вытягивались, извиваясь, до края пламени...

Потом Саламбо, не останавливаясь, рассказала, как Мелькарт, победив Мазизабала, укрепил на носу своего корабля его отрубленную голову.

При каждом всплеске волн голова исчезала под пеной, солнце опалило ее, и она сделалась тверже золота; глаза ее не переставали плакать, и слезы непрерывно капали в воду.

Саламбо пела на старом ханаанском наречии, которого варвары не понимали. Они недоумевали, о чем она им рассказывает, сопровождая свои речи грозными жестами. Взгромоздившись вокруг нее на столы, на пиршественные ложа, на ветви сикоморов[27 - Сикомора – египетская смоковница, дающая плоды вроде винных ягод.], раскрыв рты и вытягивая головы, они старались схватить на лету все эти странные рассказы, мелькавшие перед их воображением сквозь мрак теогоний, как призраки в облаках.

Только безбородые жрецы понимали Саламбо. Их морщинистые руки, свесившись над лирами, дрожали и время от времени извлекали из струн мрачные аккорды. Они были слабее старых женщин и дрожали от мистического возбуждения, а также от страха, который вызывали в них солдаты. Варвары не обращали на них внимания; они слушали поющую деву.

Никто не смотрел на нее так пристально, как молодой нумидийский вождь, сидевший за столом военачальников между воинами своего племени. Пояс его был так утыкан стрелами, что образовал как бы горб под его широким плащом, прикрепленным к вискам кожаным ремнем. Расходившийся на плечах плащ окружал тенью его лицо, и виден был только огонь его глаз. Он случайно попал на пир, – отец поселил его в доме Варки, по обычаю царей, посылавших своих сыновей в знатные семьи, чтобы таким образом готовить союзы. Нар Гавас жил во дворце уже шесть месяцев, но он еще ни разу не видал Саламбо; сидя на

корточках, опутив бороду на древки своих дротиков, он разглядывал ее, и его ноздри раздувались, как у леопарда, притаившегося в камышах.

По другую сторону столов расположился ливиец огромного роста с короткими черными курчавыми волосами. Он снял доспехи, и на нем была только военная куртка; медные нашивки ее раздирали пурпур ложа. Ожерелье из серебряных полумесяцев запуталось в волосах на его груди. Лицо было забрызгано кровью. Он сидел, опершись на левый локоть, и улыбался широко раскрытым ртом.

Саламбо прекратила священные напевы. Она стала говорить на всех варварских наречиях и с женской чуткостью старалась смягчить гнев солдат. С греками она говорила по-гречески, а потом обратилась к лигурам, к кампанийцам, к неграм, и каждый из них, слушая ее, находил в ее голосе сладость своей родины.

Увлеченная воспоминаниями о прошлом Карфагена, Саламбо запела о былых войнах с Римом. Варвары рукоплескали. Ее воспаменяло сверкание обнаженных мечей; она вскрикивала, простирая руки. Лира ее упала, и она умолкла; затем, сжимая обеими руками сердце, она несколько мгновений стояла, опустив веки и наслаждаясь волнением солдат.

Ливиец Мато наклонился к ней. Она невольно приблизилась к нему и, тронутая его восхищением, налила ему, чтобы примириться с войском, длинную струю вина в золотую чашу.

– Пей! – сказала она.

Он взял чашу и поднес ее к губам, но в это время один из галлов, тот, которого ранил Гискон, хлопнул его по плечу с веселой шуткой на своем родном наречии. Находившийся поблизости Спендий взялся перевести его слова.

– Говори! – сказал Мато.

– Да хранят тебя боги, ты будешь богат. Когда свадьба?

– Чья свадьба?

– Твоя! У нас, – сказал галл, – когда женщина наливает вино солдату, она тем самым предлагает ему разделить ее ложе.

Он не успел закончить, как Нар Гавас, вскочив, выхватил из-за пояса дротик и, упираясь правой ногой в край стола, метнул его в Мато.

Дротик просвистел между чаш и, пронзив руку ливийца, так сильно пригвоздил ее к скатерти, что рукоятка его задрожала в воздухе.

Мато быстро высвободил руку; но на нем не было оружия. Подняв обеими руками стол со всем, что на нем стояло, он кинул его в Нар Гаваса, в самую середину толпы, бросившейся их разнимать. Солдаты и нумидийцы так тесно сгрудились, что не было возможности обнажить мечи. Мато продвигался, нанося удары головой. Когда он поднял голову, Нар Гавас исчез. Он стал искать его глазами. Саламбо тоже не было.

Тогда он взглянул на дворец и увидел, как закрылась наверху красная дверь с черным крестом. Он ринулся туда.

На виду у всех он побежал вверх по ступеням, украшенным галерами, потом мелькнул вдоль трех лестниц и, достигнув красной двери, толкнул ее всем телом. Задыхаясь, он прислонился к стене, чтобы не упасть.

Кто-то за ним следовал, и сквозь мрак – огни пиршества были скрыты выступом дворца – он узнал Спендия.

– Уходи! – сказал ливиец.

Раб ничего не ответил, разорвал зубами свою тунику, потом, опустившись на колени около Мато, нежно взял его руку и стал ощупывать ее в темноте, отыскивая рану.

При свете лунного луча, струившегося между облаками, Спендий увидел на середине руки зияющую рану. Он обмотал ее куском ткани, но Мато с раздражением повторял:

– Оставь меня, оставь!

– Нет, – возразил раб. – Ты освободил меня из темницы. Я принадлежу тебе. Ты мой повелитель! Приказывай!

Мато, скользя вдоль стен, обошел террасу. На каждом шагу он прислушивался и сквозь отверстия между золочеными прутьями решеток проникал взглядом в тихие покои. Наконец он в отчаянии остановился.

– Послушай! – сказал ему раб. – Не презирай меня за мою слабость! Я жил во дворце. Я могу, как змея, проползти между стен. Идем! В комнате предков под каждой плитой лежит слиток золота, подземный ход ведет к их могилам.

– Зачем мне они! – сказал Мато.

Спендий умолк.

Они стояли на террасе. Перед ними расстилался мрак, в котором, казалось, скрывались какие-то громады, подобные волнам окаменелого черного океана.

Но с восточной стороны поднялась полоса света. Слева, совсем внизу, каналы Мегары начали чертить белыми извилинами зелень садов. В свете бледной зари постепенно вырисовывались конические крыши семиугольных храмов, лестницы, террасы, укрепления; вокруг карфагенского полуострова дрожал пояс белой пены, а море изумрудного цвета точно застыло в утренней прохладе. По мере того как ширилось розовое небо, стали выдвигаться высокие дома, теснившиеся на склонах, точно стадо черных коз, спускающихся с гор. Пустынные улицы уходили вдаль; пальмы, выступая местами из-за стен, стояли неподвижно. Полные доверху водоемы казались серебряными щитами, брошенными во дворах. Маяк Гермейского мыса стал бледнеть. На самом верху Акрополя[28 - Акрополь – укрепленная часть города, крепость.], в кипарисовой роще, кони Эшмуна, чувствуя близость утра, заносили копыта на мраморные перила и ржали в сторону солнца.

Оно вошло; Спендий, воздев руки, испустил крик.

Все зашевелилось в разлившемся багрянце, ибо бог, точно раздирая себя, в потоке лучей проливал на Карфаген золотой дождь своей крови. Сверкали тараны галер, крыша Камона казалась охваченной пламенем, засветились огни в открывшихся храмах. Колеса возов, прибывших из окрестностей, катились по каменным плитам улиц. Навьюченные поклажей верблюды спускались по тропам. Менялы открывали на перекрестках ставни своих лавок. Улетали журавли, дрожали белые паруса. В роще Танит ударяли в тамбурины священные

блудницы, и у околицы Маппал задымились печи для обжигания глиняных гробов.

Спендий наклонился над перилами террасы; у него стучали зубы, и он повторял:

– Да... да... повелитель! Я понимаю, отчего ты отказался грабить дом.

Мато, точно пробужденный его свистящим голосом, казалось, не понимал, что он говорит. Спендий продолжал:

– Какие богатства! А у тех, кто владеет ими, нет даже оружия, чтобы защитить их!

Он указал ему, протянув правую руку, на нескольких бедняков, которые ползли по песку за молом в поисках золотых песчинок.

– Посмотри, – сказал он. – Республика подобна этим жалким людям: склонившись над океаном, она простирает свои жадные руки ко всем берегам, и шум волн так заполняет ее слух, что она не услышала бы шагов подступающего к ней сзади властителя!

Он увлек Мато на другой конец террасы и показал ему сад, где сверкали на солнце мечи солдат, висевшие на деревьях.

– Но здесь собрались теперь сильные люди, исполненные великой ненависти! Ничто не связывает их с Карфагеном – ни семья, ни клятвенные обеты, ни общие боги!

Мато стоял, как прежде, прислонившись к стене. Спендий, приблизившись, продолжал, понизив голос:

– Понимаешь ли ты меня, солдат? Мы будем ходить в пурпуре, как сатрапы. Нас будут умащать благовониями. У меня самого будут рабы. Разве тебе не надоело спать на твердой земле, пить кислое вино в лагерях и постоянно слышать звуки трубы? Или ты надеешься отдохнуть потом, когда с тебя сорвут латы и бросят твой труп коршунам? Или тогда, быть может, когда, опираясь на посох, слепой, хромой и расслабленный, ты будешь ходить от двери к двери и рассказывать

про свою молодость малым детям и продавцам рассола? Вспомни о несправедливости вождей, о стоянках в снегу, о переходах под палящими лучами солнца, о суровой дисциплине и вечной угрозе казни на кресте! После стольких мытарств тебе дали почетное ожерелье – так на осла надевают нагрудный пояс с погремушками, чтобы оглушить его в пути и чтобы он не чувствовал усталости. Такой человек, как ты, более доблестный, чем Пирр[29 - Пирр (319–272 гг. до н. э.) – царь Эпира (древняя Греция). В 280–275 гг. до н. э. стоял во главе коалиции южно-итальянских городов, образовавшейся против Рима. В победоносной битве против римлян войска Пирра понесли огромные потери – отсюда выражение: пиррова победа.].! Если бы ты только захотел! Как будет хорошо в больших прохладных покоях, когда под звуки лир ты будешь возлежать, окруженный шутами и женщинами! Не говори, что предприятие это неосуществимо! Разве наемники не владели уже Регием[30 - Регий (Региум) – одна из наиболее древних греческих колоний в Южной Италии.] и другими крепостями в Италии? Кто воспротивится тебе? Гамилькар отсутствует, народ ненавидит богатых, Гискон бессилен против окружающих его трусов. А ты отважен, тебе будут повиноваться. Прими на себя начальство над ними. Карфаген наш – завладеем им!

– Нет, – сказал Мато, – на мне тяготеет проклятие Молоха[31 - Молох – бог солнца, огня и войны у аммонитян, моавитян и финикиян; ему приносили человеческие жертвы (детей и пленников).]. Я это почувствовал по ее глазам, а вот только что я видел в одном храме пятащегося назад черного барана.

Он прибавил, оглядываясь вокруг себя:

– Где же она?

Спендий понял, что Мато охвачен страшным волнением, и боялся продолжать.

Деревья за ними еще дымились: с почерневших ветвей время от времени падали на блюда наполовину обгоревшие скелеты обезьян. Пьяные солдаты храпели, раскрыв рты, лежа рядом с трупами; а те, что не спали, опускали головы, ослепленные дневным светом. Истоптанная земля была залита лужами крови. Слоны раскачивали между кольями загонов свои окровавленные хоботы. В открытых амбарах виднелись рассыпавшиеся мешки пшеницы, у ворот стоял плотный ряд колесниц, брошенных варварами; павлины, усевшись на ветвях кедров, распускали хвосты.

Спендия удивляла неподвижность Мато; он еще больше побледнел и следил остановившимся взглядом за чем-то на горизонте, опираясь обеими руками на перила террасы. Спендий, наклонившись, понял наконец, что рассматривал Мато. Вдали, по пыльной дороге в Утику[32 - Утика - финикийская колония в Северной Африке, сохранившая до некоторой степени свою экономическую независимость от Карфагена.], вращалась золотая точка. То была ось колесницы, запряженной двумя мулами; раб бежал перед дышлом, держа поводья. В колеснице сидели две женщины. Гривы мулов были взбиты между ушей на персидский лад и покрыты сеткой из голубого бисера. Спендий узнал их и едва сдержал крик.

Сзади развевалось по ветру широкое покрывало.

В Сикке

Два дня спустя наемники выступили из Карфагена. Каждому дали по золотому с условием, чтобы они расположились лагерем в Сикке, и сказали им, всячески ублажая лестью:

- Вы - спасители Карфагена. Но, оставаясь в нем, вы разорите город и доведете его до голода; Карфагену нечем будет платить. Удалитесь! Республика вознаградит вас за уступчивость. Мы тотчас же введем новый налог. Жалованье будет выплачено вам полностью, и мы снарядим галеры, которые отвезут вас на родину.

Они не знали, что ответить на такие речи. Привыкнув к войне, люди эти скучали в городе. Поэтому их нетрудно было уговорить, и народ поднялся на городские стены, чтобы видеть воочию, как они уходят.

Они прошли по Камонской улице и через Циртские ворота, идя вперемешку: стрелки с гоплитами[33 - Гоплиты - тяжеловооруженная греческая пехота.], начальники с простыми солдатами, лузитанцы с греками. Они шли бодрым шагом, и каменные плиты мостовой звенели под их тяжелыми котурнами. Доспехи их пострадали от катапульт[34 - Катапульта - боевая машина, метавшая камни и каменные ядра на расстояние до 300 м.] и лица почернели в битвах. Хриплые звуки исходили из густых бород. Разорванные кольчуги звенели

о рукоятки мечей, и сквозь продырявленные латы виднелись голые тела, страшные, как боевые машины. Пики, топоры, рогатины, войлочные шапки, медные шлемы – все колыхалось в равномерном движении. Они наводнили улицы, и казалось, что стены раздадутся от напора, когда длинные ряды вооруженных солдат проходили между высокими шестиэтажными домами, вымазанными смолой. За железными или камышовыми оградами стояли женщины, опустив на голову покрывала, и безмолвно глядели на проходящих варваров.

Террасы, укрепления, стены скрывали от глаз толпы карфагенян в черных одеждах. Туники матросов казались кровавыми пятнами на этом темном фоне; полунагие дети с лоснящейся кожей махали руками в медных браслетах среди зелени, обвивавшей колонны, и в ветвях пальм. Старейшины вышли на площадки башен, и, неизвестно почему, изредка вдруг появлялся и стоял в задумчивости какой-то человек с длинной бородой. Он смутно вырисовывался вдали, точно камень, недвижимый, словно привидение.

Всех охватила одна и та же тревога. Опасались, как бы варвары, поняв свою силу, не вздумали вдруг остаться. Но они так доверчиво покидали город, что карфагеняне воспрянули духом и присоединились к солдатам. Их обнимали, забрасывали клятвами, дарили им благовония, цветы и даже серебряные деньги. Им давали амулеты против болезней, предварительно, однако, плюнув на них три раза, чтобы привлечь этим смерть, или же зашив в них несколько волосков шакала, чтобы сердце носящего преисполнилось трусости. Вслух призывали благословения Мелькарта, а втихомолку – его проклятия.

Потом потянулись поклажи, убойный скот и все отставшие.

Больные, посаженные на дромадеров, стонали; хромы опирались на обломки пик. Пьяницы тащили с собой мехи с вином, обжоры несли мясные туши, пироги, плоды, масло, завернутое в виноградные листья, снег в полотняных мешках. Некоторые шли с зонтами, а на плечах у них были попугаи. Они вели за собою собак, газелей или пантер. Ливийские женщины, сидя на ослах, ругали негритянок, покинувших лупанары[35 - Лупанар – дом терпимости у древних

римлян.] Малки, чтобы следовать за солдатами, кормили грудью младенцев, привязанных к их шее кожаными ремнями. Спины мулов, которых понукали остриями мечей, сгибались под тяжестью свернутых палаток. Затем шли слуги и носильщики воды, бледные, пожелтевшие от лихорадки, покрытые паразитами; это были подонки карфагенской черни, примкнувшие к варварам.

Когда они прошли, за ними заперли ворота, но народ не спускался со стен. Вскоре войско рассеялось по всему перешейку.

Оно разбилось на неровные отряды. Потом копья стали казаться издали высокими стеблями трав, и наконец все исчезло в облаке пыли. Солдаты, оборачиваясь к Карфагену, не видели ничего, кроме длинных стен, которые вырисовывались на краю неба пустыми бойницами.

Варвары слышали громкие крики. Они подумали, что часть солдат, оставшись в городе (они не знали в точности, сколько их было), вздумала разграбить какой-нибудь храм. Это их позабавило, и они, смеясь, продолжали путь.

Им радостно было шагать, как прежде, всем вместе, в открытом поле. Греки пели старую мамертинскую песню:

«Своим копьем и своим мечом я вспахиваю землю и собираю жатву: я – хозяин дома! Обезоруженный противник падает к моим ногам и называет меня властелином и царем».

Они кричали, прыгали, а самые веселые принимались рассказывать смешные истории; время бедствий миновало. Когда они дошли до Туниса, некоторые заметили, что исчез отряд балеарских пращников. Они, наверное, были неподалеку. О них тотчас же забыли.

Одни отправились на ночлег в дома, другие расположились у подножия стен, и горожане пришли поговорить с солдатами.

Всю ночь на горизонте со стороны Карфагена видны были огни; отсветы, подобно гигантским факелам, тянулись вдоль неподвижного озера. Никто из солдат не понимал, какой там справлялся праздник.

На следующий день варвары прошли по возделанным полям. По краям дороги тянулся ряд патрицианских ферм; в пальмовых рощах были водоотводные каналы; масличные деревья стояли длинными зелеными рядами; над рощами среди холмов носился розовый пар; сзади высились синие горы. Дул теплый ветер. По широким листьям кактусов ползали хамелеоны.

Варвары замедлили шаг.

Они шли разрозненными отрядами или же плелись поодиночке на далеком расстоянии друг от друга. Проходя мимо виноградников, они ели виноград, ложились на траву и с изумлением смотрели на искусственно закрученные большие рога быков, на овец, покрытых шкурами для защиты их шерсти, на то, как скрещивались в виде ромбов борозды; их удивляли лемехи, похожие на корабельные якоря, а также гранатовые деревья, которые поливались сильфием. Щедрость почвы и мудрые измышления человека поражали их.

Вечером они легли на палатки, не развернув их; засыпая и обратив лицо к звездам, они жалели, что кончился пир во дворце Гамилькара.

На следующий день после полудня был сделан привал на берегу реки, среди олеандровых кустов. Солдаты быстро бросили наземь щиты, копья, сняли пояса. Они мылись с криками, набирали воду в шлемы, а некоторые, лежа на животе, пили вместе с вьючными животными, которых освободили от поклажи.

Спендий, сидя на дромадере, украденном во владениях Гамилькара, увидел издали Мато с подвязанной рукой и непокрытой головой; он поил своего мула и, склонившись, глядел, как течет вода. Спендий быстро побежал к нему, протиснувшись сквозь толпу, и стал его звать:

– Господин! Господин!

Мато едва поблагодарил его за благословение. Спендий не обратил на это внимания и пошел за ним, время от времени беспокойно оглядываясь в сторону Карфагена.

Он был сыном греческого риторика и кампанийской блудницы. Сначала он обогатился, торгуя женщинами, потом, разоренный кораблекрушением, воевал против римлян в рядах пастухов Самниума. Его взяли в плен, но он бежал.

Его поймали, и после того он работал в каменоломнях, задыхался в сушильнях, кричал, когда истязали, переменил много хозяев, испытал неистовство их гнева. Однажды, придя в отчаяние, он бросился в море с триремы[36 - Трирема – военный корабль (галера) с тремя этажами весел.], где был гребцом. Матросы спасли его и привезли умирающим в Карфаген; там его заключили в мегарский эргастул. Но так как предстояло вернуть римлянам их перебежчиков, то он воспользовался сумятицей и убежал вместе с наемниками.

В течение всего пути он не отставал от Мато, приносил ему еду, поддерживал его на спусках, а вечером подстилал ему под голову ковер. Мато наконец тронули его заботы, и он стал мало-помалу размыкать уста.

Мато родился в Сиртском заливе. Отец водил его на богомолье в храм Аммона. Потом он охотился на слонов в гарамантских[37 - Гараманты – народ, обитавший в Центральной Африке, предки современных туарегов.] лесах. Затем поступил на карфагенскую службу.

При взятии Дрепана[38 - Дрепан – сицилийский порт, у которого римский флот под командой консула Публия Клавдия был разбит карфагенским адмиралом Атарбасом (249 г. до н. э.).] его возвели в звание тетрарха[39 - Тетрарх – управляющий частью области во времена Римской империи.]. Республика осталась ему должна четыре лошади, двадцать три медины пшеницы и жалованье за целую зиму. Он страшился богов и желал умереть у себя на родине.

Спендий говорил ему о своих странствиях, о народах и храмах, которые посетил. Он многому научился, умел изготавливать сандалии и рогатины, плести сети, приручать диких зверей и варить рыбу.

Иногда он останавливался и издавал глухой горловой крик; мул Мато ускорял шаг, и другие тоже быстрее шли за ним, затем Спендий снова принимался говорить, по-прежнему обуреваемый тревогой. Она улеглась вечером на четвертый день.

Они шли рядом, с правой стороны войска, по склону холма; долина внизу уходила вдаль, теряясь в ночных испарениях. Линия солдат, проходивших под ними, колебалась в тени. Временами ряды войска вырисовывались на возвышениях, освещенных луной. Тогда на остриях копий как будто дрожала

звезда, шлемы на мгновение начинали сверкать, затем все исчезало, и на смену ушедшим являлись другие. Вдали раздавалось блеяние разбуженных стад, и казалось, что на землю спускается бесконечная тишина.

Спендий, запрокинув голову, полузакрыв глаза и глубоко вздыхая, впитывал в себя свежесть ветра. Он распротер руки, шевеля пальцами, чтобы лучше чувствовать негу, струившуюся по его телу. Его душила жажда мщения. Он прижимал руку ко рту, чтобы остановить рыдания, и, замирая от упоения, отпускал недоуздок своего дромадера, который шел большими ровными шагами. Мато снова погрузился в печаль; ноги его свисали до земли, и травы, стегая по котурнам, издавали непрерывный свистящий шелест.

Путь все удлинялся, и казалось, что ему не будет конца. В конце каждой долины расстилалась круглая поляна, затем снова приходилось спускаться на равнину, и горы, которые как будто замыкали горизонт, точно ускользали вдаль, когда к ним приближались. Время от времени среди зелени тамарисков показывалась река и потом исчезала за холмами. Иногда выступал огромный утес, подобный носу корабля или подножию исчезнувшего колосса.

По пути встречались отстоявшие один от другого на равных расстояниях маленькие четырехугольные храмы; ими пользовались странники, направлявшиеся в Сикку. Храмы были заперты, как гробницы. Ливийцы громко стучали в двери, требуя, чтобы им открыли. Никто изнутри не отвечал.

Возделанные пространства встречались все реже. Потянулись песчаные полосы земли с редкими тернистыми кустами. Среди камней паслись стада овец; за ними присматривали женщины, опоясанные синей овечьей шкурой. Они с криком пускались бежать, едва завидев копыта солдат между скал.

Солдаты шли точно по длинному коридору, окаймленному двумя цепями красноватых холмов, как вдруг их остановило страшное зловоние, и они увидели необычайное зрелище: на верхушке одного из рожковых деревьев среди листьев торчала львиная голова.

Они подбежали к дереву; перед ними был лев, распятый, точно преступник, на кресте. Его мощная голова опустилась на грудь, и передние лапы, исчезая наполовину под гривой, были широко распротерты, как крылья птицы. Все его ребра вырисовывались под натянутой кожей; задние лапы, прибитые одна к

другой гвоздем, были слегка подтянуты кверху; черная кровь стекала по шерсти, образуя сталактиты на конце хвоста, свисавшего вдоль креста. Солдат это зрелище забавляло. Они обращались ко льву, называя его римским гражданином и консулом, и бросали ему в глаза камни, чтобы прогнать мошкарю.

Пройдя сто шагов, они увидели еще два креста, а дальше появился внезапно целый ряд крестов с распятыми львами. Некоторые околели так давно, что на крестах виднелись только остатки их скелетов. Другие, наполовину обглоданные, висели, искривив пасть страшной grimасой. Среди них были громадные львы. Кресты гнулись под их тяжестью, и они качались на ветру, в то время как над их головой неустанно кружились в воздухе стаи воронов. Так мстили карфагенские крестьяне, захватив какого-нибудь хищного зверя. Они надеялись отпугнуть этим примером других. Варвары, перестав смеяться, почувствовали глубокое изумление. «Что это за народ, – думали они, – который для потехи распинает львов!»

Большинство наемников, особенно северяне, были к тому же охвачены тревогой, измучены, уже больны. Они раздирали себе руки о колючки алоэ; большие мухи своим жужжанием терзали им слух, и в рядах войска начиналась дизентерия. Их беспокоило, что все еще не видно было Сикки. Они боялись заблудиться и попасть в пустыню, страну песков и всяких ужасов. Многие не хотели продолжать путь. Иные повернули назад в Карфаген.

Наконец на седьмой день, после того как они долго шли вдоль подножия горы, дорога резко повернула вправо; их глазам представилась линия стен, воздвигнутых на белых утесах и сливавшихся с ними. Затем вдруг открылся весь город; в багровом свете заката на стенах развевались синие, желтые и белые покрывала. То были жрицы Танит, прибежавшие встречать воинов. Выстроившись вдоль укреплений, они ударяли в бубны, играли на лирах, потрясали кроталами[40 - Кротал – ручной ударный музыкальный инструмент древних греков и римлян, похожий на кастаньеты; им пользовались преимущественно в танцах.], и лучи солнца, заходившего позади них в нумидийских горах, скользили между струнами арф, к которым прикасались их обнаженные руки. По временам инструменты внезапно затихали, и раздавался резкий, бешеный крик, похожий на лай; они издавали его, ударяя языком об углы рта. Иные стояли, подпирая подбородок рукой, неподвижнее сфинксов, и устремляли большие черные глаза на поднимавшееся вверх войско.

Хотя Сикка была священным городом, все же она не могла дать приют такому количеству людей; один только храм со своими строениями занимал половину города. Поэтому варвары расположились по своему усмотрению в равнине, дисциплинированная часть войска – правильными отрядами, а другие – по национальностям или как попало.

Греки разбили шатры из звериных шкур параллельными рядами, иберийцы расположили кругом свои холщовые палатки, галлы построили шалаши из досок, ливийцы – хижины из сухих камней, а негры вырыли ногтями в песке рвы для спанья. Многие, не зная, где поместиться, бродили среди поклажи, а ночью укладывались на землю, завернувшись в рваные плащи.

Вокруг них расстилалась равнина, окаймленная горами. Кое-где над песчаным холмом наклонялась пальма, а по откосам пропастей выступали пятнами сосны и дубы. Иногда в грозу дождь свисал длинным пологом, в то время как небо над полями оставалось лазурным и ясным; потом теплый ветер гнал вихри пыли, ручеек спускался каскадами с высот Сикки, где под золотой крышей стоял на медных колоннах храм Венеры Карфагенской, владычицы страны. Ее душа как бы наполняла все вокруг. Волнистой линией холмов, сменой холода и тепла, а также игрой света она являла бесконечность своей силы и красоту своей вечной улыбки. Вершины гор были похожи на рога полумесяца; иные напоминали набухшие сосцы полных женских грудей, и варвары при всей своей усталости чувствовали полное сладости изнеможение.

Спендий, продав дромадера, купил на вырученные деньги раба. Он весь день спал, растянувшись перед палаткой Мато. Иногда он просыпался; во сне ему мерещился свист бича, и он проводил руками по рубцам на ногах, в том месте, где долго носил кандалы. Потом снова засыпал.

Мато мирился с его обществом, и Спендий, с длинным мечом у бедра, сопровождал его, как ликтор, или же Мато небрежно опирался рукой на его плечо: Спендий был низкорослый.

Однажды вечером, проходя вместе по улицам лагеря, они увидели людей в белых плащах; среди них был Нар Гавас, вождь нумидийцев. Мато вздрогнул.

– Дай меч, – воскликнул он, – я его убью!

– Подожди, – сказал Спендий, останавливая его.

Нар Гавас уже подходил. Он прикоснулся губами к большим пальцам на обеих руках в знак приязни, объясняя свой гнев опьянением на пиру. Потом долго обвинял Карфаген, но не объяснил, зачем пришел к варварам.

Кого он хочет предать: их или Республику – спрашивал себя Спендий; но так как он надеялся извлечь пользу для себя из всяких смут, то был благодарен Нар Гавасу за будущие предательства, в которых он его подозревал.

Вождь нумидийцев остался жить среди наемников. Казалось, он хотел заслужить расположение Мато. Он посылал ему жирных коз, золотой песок и страусовые перья. Ливиец, удивляясь его любезности, не знал, отвечать ли на них тем же или дать волю раздражению. Но Спендий успокаивал его, и Мато подчинялся рабу. Он все еще был в нерешительности и не мог стряхнуть с себя непобедимое оцепенение, как человек, когда-то выпивший напиток, от которого он должен умереть.

Однажды они отправились с утра охотиться на львов, и Нар Гавас спрятал под плащом кинжал. Спендий следовал за ним, не отходя, и за все время охоты Нар Гавас ни разу не вынул кинжала.

В другой раз Нар Гавас завел их очень далеко, до самых границ своих владений. Они очутились в узком ущелье. Нар Гавас с улыбкой заявил, что не знает, как идти дальше. Спендий нашел дорогу.

Но чаще всего Мато, печальный, как авгур, уходил на заре и бродил по полям. Он ложился где-нибудь на песок и до вечера не двигался с места.

Он обращался за советом ко всем волхвам в войске, к тем, которые наблюдают за движением змей, и к тем, которые читают по звездам, и к тем, которые дуют на золу сожженных трупов. Он глотал пепел, горный укроп и яд гадюк, леденящий сердце; негритянки пели при лунном свете заклинания на варварском языке и кололи ему в это время лоб золотыми стилетами; он навешивал на себя ожерелья и амулеты, взывал по очереди к Ваал-Камону, к Молоху, к семи Кабирам[41 - Кабиры – семь финикийских «великих божеств». С конца VI в. до н. э. им были посвящены мистерии, справлявшиеся на греческом острове Самофракия.], к Танит и к греческой Венере. Он вырезал некое имя на

медной пластинке и зарыл ее в песок на пороге своей палатки. Спендий слышал, как он стонал и говорил сам с собой.

Однажды ночью Спендий вошел к нему.

Мато голый, как труп, лежал плашмя на львиной шкуре, закрыв лицо обеими руками; висячая лампа освещала оружие, развешанное на срединном шесте палатки.

– Что тебя томит? – спросил раб. – Что тебе нужно? Ответь мне.

Он стал трясти его за плечо и несколько раз окликнул:

– Господин! Господин!..

Мато поднял на него широко раскрытые печальные глаза.

– Слушай! – сказал он тихим голосом, приложив палец к губам. – Гнев богов обрушился на меня! Меня преследует дочь Гамилькара! Я боюсь ее, Спендий!

Он прижимался к груди раба, как ребенок, напуганный призраком.

– Скажи мне что-нибудь! Я болен. Я хочу излечиться! Я испробовал все средства! Но ты, быть может, знаешь более могущественных богов или неотвратимое заклинание?

– Для чего? – спросил Спендий.

Мато стал бить себя кулаками по голове.

– Чтобы избавиться от нее! – ответил он.

Потом, обращаясь к самому себе, он продолжал говорить с расстановкой:

– Я, наверное, та жертва, которую она обещала принести богам в искупление чего-то. Она привязала меня к себе цепью, невидимой для глаз. Когда я хожу,

это идет она; когда я останавливаюсь, это значит, что она отдыхает! Ее глаза жгут меня, я слышу ее голос. Она окружает меня, проникает в меня. Мне кажется, что она сделалась моей душой! И все же нас точно разделяют невидимые волны безбрежного океана! Она далека и недоступна. Сияние красоты окружает ее светлым облаком. Иногда мне кажется, что я ее никогда не видел... что она не существует, что все это сон!

Так причитал Мато во мраке. Варвары спали. Спендий, глядя на него, вспоминал юношей с золотыми сосудами в руках, которые обращались к нему в былое время с мольбами, когда он водил по улицам городов толпу своих куртизанок. Его охватила жалость, и он сказал:

– Не падай духом, господин мой! Призывай на помощь свою волю, но не моли богов: они не снисходят на призывы людей! Вот ты теперь малодушно плачешь. Тебе не стыдно страдать из-за женщины?

– Что, я дитя, по-твоему? – возразил Мато. – Ты думаешь, меня еще трогают женские лица и песни женщин? У нас в Дрепане их посылали чистить конюшни. Я обладал женщинами среди набегов, под рушившимися сводами и когда еще дрожали катапульты!.. Но эта женщина, Спендий, эта!..

Раб прервал его:

– Не будь она дочь Гамилькара...

– Нет! – воскликнул Мато. – Она не такая, как все другие женщины в мире! Видел ты, какие у нее большие глаза и густые брови, – глаза, подобные солнцам под арками триумфальных ворот? Вспомни: когда она появилась, свет факелов потускнел. Среди алмазов ее ожерелья еще ярче сверкала грудь. Следом за нею точно несло благоухание храма, и от всего ее существа исходило нечто более сладостное, чем вино, и более страшное, чем смерть. Она шла, а потом остановилась...

Он опустил голову. Глаза его были устремлены вдаль, взгляд неподвижен.

– Я жажду обладать ею! Я умираю от желания! При мысли о том, как бы я сжимал ее в своих объятиях, меня охватывает неистовая радость. И все же я ненавижу ее! Я бы хотел избить ее, Спендий! Что мне делать! Я хочу продать

себя, чтобы сделаться ее рабом. Ты ведь был ее рабом! Ты иногда видел ее. Скажи мне что-нибудь о ней! Ведь она каждую ночь поднимается на террасу дворца, не правда ли? Камни, наверное, трепещут под ее сандалиями, и звезды нагибаются, чтобы взглянуть на нее.

Он в бешенстве упал и захрипел, точно раненый бык.

Потом Мато запел:

«Он преследовал в лесу чудовище с женским обликом, хвост которого извивался среди засохших листьев, как серебряный ручеек...»

Растягивая слова, Мато подражал голосу Саламбо, протянутые руки его как бы скользили легкими движениями по струнам лиры.

В ответ на все утешения Спендия он повторял те же речи. Ночи проходили среди стонов и увещаний.

Мато хотел заглушить свои страдания вином. Но опьянение только усиливало его печаль. Тогда, чтобы развлечься, он стал играть в кости и проиграл одну за другой все золотые бляхи своего ожерелья. Он согласился пойти к прислужницам богини, но, спускаясь с холма на обратном пути, рыдал, точно шел с похорон.

Спендий, в противоположность ему, становился все более смелым и веселым. Он вел беседы с солдатами в кабачках под листвой, чинил старые доспехи, жонглировал кинжалами, собирал травы для больных. Он весело шутил, проявляя тонкость ума, находчивость и разговорчивость; варвары привыкли к его услугам и полюбили его.

Они ждали посла из Карфагена, который должен был привезти им на мулах корзины, нагруженные золотом; производя наново все те же расчеты, они чертили пальцами на песке цифры за цифрами. Каждый строил планы на будущее, рассчитывал иметь наложниц, рабов, землю. Некоторые намеревались зарыть свои сокровища или рискнуть увезти их на кораблях. Но полное безделье стало раздражать солдат; начались непрерывные споры между конницей и пехотой, между варварами и греками; беспрестанно раздавались оглушительно резкие женские голоса.

Каждый день являлись полчища почти нагих людей, покрывавших себе голову травами для защиты от солнца. Это были должники богатых карфагенян, их заставляли обрабатывать землю кредиторов, и они спасались бегством. Приходило множество ливийцев, крестьян, разоренных налогами, изгнанников, преступников. Затем явилась орда торговцев: все продавцы вина и растительного масла, взбешенные тем, что им не уплатили, стали враждебно относиться к Республике. Спендий ораторствовал, обвиняя Карфаген. Вскоре стали истощаться припасы. Начали поговаривать о том, чтобы, сплотившись, идти всем на Карфаген или же призвать римлян.

Однажды, в час ужина, раздались приближающиеся тяжелые надтреснутые звуки; издали на волнистой линии дороги показалось что-то красное.

То были большие носилки пурпурового цвета, украшенные по углам пучками страусовых перьев. Хрустальные цепи и нити жемчуга ударялись о стянутые занавеси. За носилками следовали верблюды, позванивая большими колокольчиками, висевшими у них на груди. Верблюдов окружали наездники в чешуйчатых золотых латах от плеч и до пят.

Они остановились в трехстах шагах от лагеря и вынули из чехлов, привязанных к седлам, свои круглые щиты, широкие мечи и беотийские шлемы. Часть всадников осталась при верблюдах, остальные двинулись вперед. Наконец показали эмблемы Республики – синие деревянные шести с конской головой или сосновой шишкой наверху. Варвары поднялись со своих мест и стали рукоплескать; женщины бросились навстречу легионерам и целовали им ноги.

Носилки приближались, покоясь на плечах двенадцати негров, которые шли в ногу мелкими быстрыми шагами. Они ступали как попало, то вправо, то влево, натываясь на веревки палаток, на скот, разбредшийся во все стороны, на треножки, где жарили мясо. Время от времени носилки приоткрывались, и оттуда высывалась толстая рука, вся в кольцах; хриплый голос выкрикивал ругательства. Тогда носильщики останавливались и пересекали лагерь другим путем.

Пурпуровые занавеси носилок приподнялись: на широкой подушке покоилась голова человека с одутловатым равнодушным лицом; брови вырисовывались на лице, как две дуги из черного дерева, соединенные у основания; золотые

блестки сверкали в курчавых волосах, а лицо было очень бледное, точно осыпанное мраморным порошком. Все тело исчезало под овечьими шкурами, покрывавшими носилки.

Солдаты узнали в лежащем суффета Ганнона, того, который своей медлительностью содействовал поражению в битве при Эгатских островах; что касается его победы над ливийцами при Гекатомпиле, то его тогдашнее милосердие к побежденным вызвано было, как полагали варвары, корыстолюбием: он продал в свою пользу всех пленных, хотя заявил Совету, что умертвил их.

Ганнон некоторое время искал удобного места, откуда можно было бы обратиться с речью к солдатам; наконец он сделал знак; носилки остановились, и суфлет, поддерживаемый двумя рабами, шатаясь, спустил ноги на землю.

На нем были черные войлочные башмаки, усеянные серебряными полумесяцами. Ноги стягивались перевязками, как у мумий, и между скрещивающимися полосами холста проступало местами тело. Живот свешивался из-под красной куртки, покрывавшей бедра; складки шеи лежали на груди, как подгрудок у быка; туника, расписанная цветами, трещала под мышками; суфлет носил пояс и длинный черный плащ с двойными зашнурованными рукавами. Чрезмерное количество одеяний, большое ожерелье из синих камней, золотые застёжки и тяжелые серьги делали его уродство еще более отвратительным. Он казался каким-то грубым идолом, высеченным из камня; бледные пятна, покрывавшие все его тело, придавали ему вид неживого. Только нос, крючковатый, как клюв ястреба, сильно раздувался, вдыхая воздух, и маленькие глаза со слипшимися ресницами сверкали жестким металлическим блеском. Он держал в руке лопаточку из алоэ для почесывания тела.

Наконец два глашатая затрубили в серебряные рога; шум смолк, и Ганнон заговорил.

Он начал с прославления богов и Республики; варвары должны радоваться, что служили ей. Но необходимо выказать больше благоразумия, ибо времена пришли тяжелые: «Если у хозяина всего три маслины, то ведь вполне справедливо, чтобы он оставил две для себя?».

Так старик-суфкет уснащал свою речь пословицами и притчами, кивая все время головой, чтобы вызвать одобрение у слушателей.

Он говорил на пуническом наречии, а те, которые окружали его (самые проворные прибежали без оружия), были кампанийцы, галлы и греки, и, таким образом, никто в толпе не понимал его. Ганнон заметил это, остановился и стал тяжело переминаясь с ноги на ногу, соображая, что делать.

Наконец он решил созвать военачальников. Глашатаи возвестили его приказ по-гречески – этот язык со времени Ксантиппа[42 - Ксантипп – спартанский полководец, приглашенный Карфагеном для борьбы с римлянами во время 1-й Пунической войны. Нанес решительное поражение римскому экспедиционному корпусу под командой Атилия Регула (255 г. до н. э.). Рассказы о неблагодарности карфагенян, якобы умертвивших Ксантиппа после одержанной им победы, не соответствуют действительности.] был принят в карфагенском войске для приказов.

Стража отстранила ударами бича толпу солдат, и вскоре явились начальники фаланг, построенных по спартанскому образцу, а также вожди варварских когорт со знаками своего ранга и в доспехах своего племени. Спустилась ночь, и равнина огласилась смутным гулом; кое-где засверкали огни; все ходили с места на место, спрашивая, что случилось, почему суфкет не раздает денег.

Он разъяснил военачальникам затруднительное положение Республики. Казна ее иссякла. Дань, уплачиваемая римлянам, разоряла ее.

– Мы не знаем, как быть! Республика в очень плачевном положении!

Время от времени он почесывал тело лопаточкой из алоэ или же останавливался, чтобы выпить из серебряной чаши, которую протягивал ему раб, глоток питья, приготовленного из пепла и спаржи, вываренной в уксусе. Потом он утирал губы пурпуровой салфеткой и продолжал:

– То, что стоило прежде сикль серебра, стоит теперь три шекеля золотом, и земли, запущенные во время войны, ничего не приносят!.. Улов пурпура ничтожный, даже жемчуг поднялся до невероятной цены, у нас едва хватает благовонных масел для служения богам! Что касается съестных припасов, то о них лучше не говорить: истинное бедствие! Из-за недостатка галер у нас нет

пряностей, и очень трудно добывать сильфий вследствие мятежей на киренской границе. Сицилия, откуда прежде доставлялось столько рабов, теперь для нас закрыта! Еще вчера за одного банщика и четырех кухонных слуг я заплатил больше, чем прежде за двух слонов!

Он развернул длинный свиток папируса и прочел, не пропуская ни одной цифры, все расходы, произведенные правительством: столько-то за работы в храмах, за мощение улиц, за постройку кораблей, столько-то ушло на ловлю кораллов, столько-то – на расширение сисситских торговых обществ, столько-то стоили сооружения на рудниках в Кантабрии.

Военачальники, как и солдаты, не понимали по-гречески, хотя наемники обменивались приветствиями на этом языке. Обыкновенно в войска варваров отряжали несколько карфагенских чиновников, чтобы они служили переводчиками. Но после войны они скрылись, боясь, что им будут мстить. Ганнон не подумал о том, чтобы взять с собой переводчика; к тому же его сиплый голос терялся на ветру.

Греки, подтянутые железными поясами, напрягали слух, стараясь уловить слова оратора, а горцы, покрытые мехом, как медведи, недоверчиво смотрели на Ганнона или зевали, опираясь на тяжелые дубины с медными гвоздями. Галлы не обращали внимания на то, что говорилось, и, насмехаясь, с хохотом встряхивали пучком высоко зачесанных волос; жители пустыни слушали неподвижно, закутавшись в серые шерстяные одежды. Сзади прибывали новые толпы; солдаты из стражи, которых теснила толпа, шатались, сидя на лошадях; негры держали в вытянутых руках зажженные сосновые ветви, а толстый карфагенянин продолжал свою речь, стоя на поросшем травой пригорке.

Варвары, однако, стали терять терпение; поднялся ропот, все заговорили с Ганноном. Он жестикулировал своей лопаточкой; те, которые хотели заставить молчать других, сами кричали еще громче, и от этого общий гул только усиливался.

Вдруг к Ганнону подскочил невзрачный с виду человек и, выхватив рог у одного из глашатаев, затрубил; этим Спендий (ибо это был он) возвестил, что собирается сказать нечто важное. На его заявление, быстро произнесенное на пяти разных языках – греческом, латинском, галльском, ливийском и балеарском, – военачальники, посмеиваясь и изумляясь, ответили:

– Говори! Говори!

С минуту Спендий колебался, он весь дрожал; наконец, обращаясь к ливийцам, которых было больше всего в толпе, он сказал:

– Вы все слышали страшные угрозы этого человека?

Ганнон не возмутился – значит, он не понимал по-ливийски. Продолжая свой опыт, Спендий повторил ту же фразу на других наречиях варваров.

Слушатели с удивлением глядели друг на друга; потом все, точно по молчаливому сговору и, может быть, думая, что поняли, в чем дело, опустили головы в знак согласия.

Тогда Спендий заговорил возбужденным голосом:

– Он прежде всего сказал, что все боги других народов – призраки по сравнению с богами Карфагена! Он назвал вас трусами, ворами, лгунами, псами и собачьими сынами! Если бы не вы, Республике (так он сказал) не пришлось бы платить дань римлянам: ваше нашествие лишило их ароматов и благовоний, рабов и сильфия, ибо вы вошли в соглашение с кочевниками на киренской границе! Но виновных покарают! Он прочел список наказаний, которым их подвергнут: их заставят мостить улицы, снаряжать корабли, украшать сисситские дома, а других пошлют рыть землю на рудниках в Кантабрии.

Спендий повторил то же самое галлам, грекам, кампанийцам, балеарам. Узнав несколько имен, донесшихся до их слуха, наемники были убеждены, что он точно передает речь суффета. Несколько человек крикнули ему: «Ты лжешь!» – но их голоса потерялись в общем гуле. Спендий прибавил:

– Разве вы не заметили, что он оставил у входа в лагерь часть конницы? По его знаку они примчатся, чтобы всех вас умертвить.

Варвары повернулись в сторону входа, и, когда толпа расступилась, в центре очутился человек, двигавшийся медленно, точно призрак, сгорбленный, худой, совершенно голый, покрытый до пояса длинными взъерошенными волосами с торчащими в них сухими листьями и шипами, весь в пыли. Бедра и колени его

были обмотаны соломой, смешанной с глиной, и холщовым тряпьем; сморщенная землистая кожа свисала с костлявого тела, как лохмотья с сухих сучьев; руки дрожали непрерывной дрожью, и он шел, опираясь на палку из оливкового дерева.

Он приблизился к неграм, державшим факелы. Тупая, бессмысленная усмешка обнажила его бледные десны. Он рассматривал широко раскрытыми, испуганными глазами толпу варваров вокруг себя.

Вдруг он бросился назад, прячась за их спины.

– Вот они, вот они! – бормотал он, указывая на охрану суффета, неподвижно застывшую в своих сверкающих латах.

Лошади вздымались на дыбы, ослепленные факелами, с треском пылавшими во мраке. Человек, казавшийся призраком, бился и вопил:

– Они их убили!

При этих словах, которые он выкрикивал на балеарском наречии, прибежали балеары и узнали его; не отвечая им, он повторял:

– Да, убили, всех убили! Раздавили, как виноград! Таких молодых, таких красавцев! Метателей из пращи! Моих товарищей и ваших!

Ему дали вина, и он заплакал; потом он стал без устали говорить.

Спендий едва сдерживал свою радость, объясняя грекам и ливийцам, о каких ужасах рассказывал Зарксас. Он боялся верить его словам, до того все, что он говорил, было кстати. Балеары бледнели, слушая о том, как погибли их товарищи.

Речь шла об отряде в триста пращников, прибывших накануне и слишком поздно вставших утром. Когда они пришли на площадь к храму Камона, варвары уже ушли, и они очутились без всяких средств защиты, так как их глиняные ядра были навьючены на верблюдов вместе с остальной поклажей. Им дали вступить в Сатевскую улицу и дойти до дубовых ворот, обшитых изнутри медью; тогда все

население общим напором ринулось на них.

Солдаты действительно вспомнили, что до них донесся страшный крик; Спендий, бежавший во главе колонн, ничего не слышал.

Потом трупы положили на руки богов Патэков[43 - Патэки - финикийские божества, карлики. Их изображениями обычно украшали нос корабля.], которые стояли вдоль храма Камона. На убитых взвели все преступления наемников: обжорство, воровство, безбожие, глумление, а также убийство рыб в саду Саламбо. Тела их позорно изувечили; жрецы жгли им волосы, чтобы мучилась их душа; затем развесили по кускам в мясных; кое-кто даже вонзал в них зубы, а вечером, чтобы покончить с ними, на перекрестках зажгли костры.

Это и были те огни, что светились издали на озере. Но так как от костров загорелось несколько домов, то остальные трупы, так же как и умирающих, выбросили за стены. Зарксас прятался до следующего дня в камышах на берегу озера; потом он бродил по окрестностям, отыскивая войско по следам в пыли. Утром он скрывался в пещерах, а вечером снова отправлялся в путь. Из его открытых ран струилась кровь, он шел голодный, больной, питаясь кореньями и падалью. Наконец однажды он увидел на горизонте копья и пошел следом за ними; ум его помутился от ужаса и страданий.

Возмущение солдат, сдерживаемое, пока он говорил, разразилось, как буря; они хотели тотчас же уничтожить охрану вместе с суффетом. Некоторые, однако, воспротивились, говоря, что нужно выслушать суффета и, по крайней мере, узнать, заплатят ли им. Тогда все стали кричать:

- Наше жалованье!

Ганнон ответил, что привез деньги.

Все бросились к аванпостам и при участии варваров поклажу суффета привезли в лагерь; не дожидаясь рабов, они сами развязали корзины; там оказались одежды из фиолетовых тканей, губки, лопаточки для почесывания, щетки, благовония, палочки из сурьмы, чтобы подводить глаза; все это принадлежало конной охране, людям богатым и изнеженным. Среди клади оказался также большой бронзовый чан, навьюченный на верблюда: он принадлежал суффету, который брал в нем ванны во время пути. Суффет принимал всякие

предосторожности, заботясь о своем здоровье; он вез в клетках даже ласок из Гекатомпиля, которых сжигали живыми для изготовления лекарственного питья. А так как болезнь Ганнона вызывала большой аппетит, то он взял с собою много съестных припасов и вина, рассолы, мясо и рыбу в меду, а также горшочки из Коммагены[44 - Коммагена – область Северной Сирии.], наполненные топленным гусиным жиром, покрытым снегом и рубленой соломой. Таких горшочков припасено было очень много, их находили в каждой корзине, которую развязывали, и это вызывало каждый раз взрыв смеха.

Что же касается жалованья наемникам, то оно наполняло не более двух плетеных корзин; в одной из них оказались даже кожаные кружочки, которыми Республика пользовалась, чтобы тратить поменьше звонкой монеты; и когда варвары очень этому удивились, Ганнон объяснил, что ввиду трудности счетов старейшины не успели еще рассмотреть их и пока посылают вот это.

Тогда наемники стали бить и опрокидывать все, что попадалось: мулов, слуг, носилки, провизию, поклажу. Они брали пригоршнями деньги из мешков и побивали ими Ганнона. Он с трудом сел на осла и, уцепившись за его шерсть, пустился в бегство, рыдая, вопя, изнемогая от тряски и призывая на войско проклятие всех богов. Широкое ожерелье из драгоценных камней прыгало у него на груди, подскакивая до ушей. Он придерживал зубами длинный плащ, который волочился за ним, а варвары кричали ему издали:

– Убирайся, трус! Боров! Клоака Молоха! Улепетывай со своим золотом, своей заразой! Скорей! Скорей!..

Охрана его скакала за ним в полном беспорядке.

Но бешенство варваров не утихало. Они вспомнили, что несколько человек из войска, ушедшие в Карфаген, не вернулись: их, наверное, убили.

Несправедливость карфагенян приводила их в неистовство, и они стали вырывать шесты палаток, свертывать плащи, седлать лошадей; каждый брал свой шлем и копье, и в одно мгновение все было готово к походу. У кого не нашлось оружия, те бежали в лес, чтобы нарезать себе палок.

Занимался день; население Сикки, проснувшись, взволнованно забегало по улицам. «Они идут на Карфаген!» – говорили кругом, и этот слух вскоре распространился по всей стране.

На каждой дорожке, из каждого рва появлялись люди. Пастухи бегом спускались с гор.

Когда варвары ушли, Спендий объехал равнину, сидя верхом на пуническом жеребце; рядом с ним раб вел третью лошадь.

Из всех палаток осталась только одна. Спендий вошел в нее.

– Вставай, господин! Мы выступаем!

– Куда? – спросил Мато.

– В Карфаген! – крикнул Спендий.

Мато вскочил на лошадь, которую раб держал наготове у входа в палатку.

Саламбо

Луна поднялась вровень с морем, и в городе, еще покрытом мраком, заблестели светлые точки и белые пятна: дышло колесницы во дворе, полотняная ветошь, развешанная на веревке, выступ стены, золотое ожерелье на груди идола. Стеклообразные шары на крышах храмов сверкали, как огромные алмазы. Но смутные очертания развалин, насыпи черной земли и сады казались темными глыбами во мраке, а в нижней части Малки сети рыбаков тянулись из дома в дом, как гигантские летучие мыши, распростершие свои крылья. Уже не слышно было скрипа гидравлических колес, поднимавших воду в верхние этажи дворцов; верблюды спокойно отдыхали на террасах, лежа на животе, как страусы. Привратники спали на улицах у порога домов. Тень колоссов удлинялась на пустынных площадях; вдали из бронзовых плит вырывался еще иногда дым пылающей жертвы, и тяжелый ветер с моря приносил вместе с ароматами запах морских трав и испарения стен, раскаленных солнцем. Вокруг Карфагена сверкали недвижные воды, ибо луна одновременно проливалась свой блеск и на залив, окруженный горами, и на Тунисское озеро, где среди песчаных мелей виднелись длинные ряды розовых фламинго, а дальше, ниже катакомб, широкая соленая лагуна сверкала, как серебро. Свод синего неба сливался на

горизонте с пылью равнин по одну сторону, с морскими туманами – по другую, и на вершине Акрополя пирамидальные кипарисы, окружавшие храм Эшмуна, покачивались с тихим рокотом, подобно медленному прибою волн вдоль мола у подножия насыпей.

Саламбо поднялась на террасу своего дворца, ее поддерживала рабыня, которая несла на железном подносе зажженные угли.

Посередине террасы стояло небольшое ложе из слоновой кости, покрытое рысьими шкурами, с подушками из перьев попугая, вещей птицы, посвященной богам; в четырех углах расставлены были высокие курильницы, наполненные нардом, ладаном, киннамоном и миррой. Рабыня зажгла благовония. Пол был посыпан голубым порошком и усеян золотыми звездами наподобие неба. Саламбо обратила взор к Полярной звезде; она медленно поклонилась на четыре стороны и опустилась на колени. Потом, прижав локти к бокам, отведя руки и раскрыв ладони, запрокинула голову под лучами луны и возвысила голос.

– О Раббет!.. Ваалет!.. Танит!..

Голос ее звучал жалобно и протяжно, точно призыв.

– Анаитис! Астарта! Деркетто! Асторет! Миллитта! Атара! Элисса! Тирата!.. Скрытыми символами, звонкими систрами, бороздами земли, вечным молчанием и вечным плодородием, властительница темного моря и голубых берегов, царица всей влаги мира, приветствую тебя!

Она два-три раза качнулась всем телом, потом, вытянув руки, распростерлась лицом в пыли.

Рабыня быстро подняла ее, ибо по обряду нужно было, чтобы кто-нибудь поднял распростертого в молитве: это значило, что боги вняли ее мольбе; и кормилица Саламбо всегда неуклонно исполняла этот благочестивый долг.

Торговцы из Гетулии Даритийской привезли ее еще ребенком в Карфаген; отпущенная на свободу, она не пожелала оставить своих господ, что видно было по широкому отверстию в ее проколоте правом ухе. Пестрая полосатая юбка, обтягивавшая ее бока, спускалась до щиколоток, где звенели два оловянных кольца. Лицо ее, несколько плоское, было желтого цвета, как ее туника.

Длинные серебряные иглы образовали ореол позади головы. В одну ноздрю продета была коралловая серьга. Опустив глаза, она стояла подле ложа, прямее гермы.

Саламбо подошла к краю террасы. Она окинула взором горизонт, потом устремила взгляд на спящий город, и вздох ее, поднимая грудь, всколыхнул длинную белую симмару, свободно облегающую ее, без застежек и пояса. Сандалии с загнутыми носками исчезали под множеством изумрудов, распущенные волосы были подобраны пурпуровой сеткой.

Она подняла голову, созерцая луну, и, примешивая к словам обрывки гимнов, шептала:

– Как легко ты кружишься, поддерживаемая невесомым эфиром! Он разглаживается вокруг тебя, и это ты своим движением распределяешь ветры и плодоносные росы. По мере того как ты нарастаешь или убываешь, удлиняются или суживаются глаза у кошек и пятна пантер. Жены с воплем называют твое имя среди мук деторождения! Ты наполняешь раковины! Благодаря тебе бродит вино! Ты вызываешь гниение трупов! Ты создаешь жемчужины в глубине морей!.. И все зародыши, о богиня, исходят из тьмы твоих влажных глубин.

Когда ты появляешься, на земле разливается покой, чашечки цветов закрываются, волны утихают, усталые люди ложатся, обращая к тебе грудь, и мир со своими океанами и горами глядится, точно в зеркало, тебе в лицо. Ты – чистая, нежная, лучезарная, непорочная, помогающая, очищающая, безмятежная!..

Рог луны поднялся над горой Горячих источников в выемке между двумя вершинами по другую сторону залива. Под луной светилась небольшая звездочка, окруженная бледным сиянием.

Саламбо продолжала:

– Но ты и страшна, владычица! Это ты создаешь чудовища, страшные призраки, обманчивые сны. Глаза твои пожирают камни зданий, и обезьяны болеют при каждом твоём обновлении.

Куда ты идешь? Зачем постоянно меняешь свой образ? То, изогнутая и тонкая, ты скользишь в пространстве, точно галера без снастей, то кажешься среди звезд пастухом, стерегущим стадо. Сияющая и круглая, ты катишься по вершинам гор, точно колесо колесницы.

О Танит! Ведь ты меня любишь, я знаю! Я так неустанно гляжу на тебя! Но нет! Ты носишься по лазури, а я остаюсь на неподвижной земле...

Таанах, возьми небал и тихо сыграй что-нибудь на серебряной струне, ибо сердце мое печально!

Рабыня взяла в руки инструмент из черного дерева, вроде арфы, но выше ее, треугольной формы.

Глухие и быстрые звуки чередовались, как жужжание пчел, и, нарастая, улетали в ночной мрак вместе с жалобной песнью волн и колыханием больших деревьев на верху Акрополя.

- Перестань! - воскликнула Саламбо.

- Что с тобой, госпожа? Каждое дуновение ветра, каждое облачко на небе - все тебя тревожит и волнует.

- Не знаю, - сказала Саламбо.

- Ты утомляешь себя слишком долгими молитвами!

- О Таанах, я хотела бы раствориться в молитве, как цветок в вине!

- Может быть, дым курений вреден тебе?

- Нет, - сказала Саламбо, - в благовониях обитает дух богов.

Рабыня заговорила об отце Саламбо. Думали, что он уехал в страну янтаря, за Мелькартовы столпы.

– Но если он не вернется, – сказала она, – тебе придется – такова его воля – избрать себе супруга среди сыновей старейшин, и печаль твоя пройдет в объятиях мужа.

– Почему? – спросила девушка.

Все мужчины, которых она видела до сих пор, внушали ей ужас своим животным смехом и грубым телом.

– Иногда, Таанах, из глубины моего существа поднимаются горячие вихри, более тяжелые, чем дыхание вулкана. Меня зовут какие-то голоса. Огненный шар клубится в моей груди и подступает к горлу, он душит меня, и мне кажется, что я умираю. А потом что-то сладостное, пронизывающее меня от чела до пят, пробегает по всему моему телу... Меня обволакивает какая-то ласка, и я изнемогаю, точно надо мной распростерся бог. О, как бы я хотела изойти в ночном тумане, в струях ручья, в древесном соке, покинуть свое тело, быть лишь дыханием, лучом скользить и подняться к тебе, о мать!

Она высоко воздела руки, вся выпрямившись, бледная и легкая, как луна, в своей белой одежде. Потом снова опустилась на ложе из слоновой кости, с трудом переводя дыхание. Таанах надела ей на шею янтарное ожерелье с дельфиновыми клыками, которое рассеивало страхи, и Саламбо сказала почти угасшим голосом:

– Пойди позови Шагабарима.

Отец Саламбо не желал, чтобы она вступила в коллегия жриц или даже знала, каково народное представление о Танит. Он берег дочь для какого-нибудь брачного союза, который мог быть полезен его политическим целям. Поэтому Саламбо вела во дворце одинокую жизнь; мать ее давно умерла.

Она выросла среди лишений, постов, постоянных очищений, окруженная изысканными торжественными предметами; тело ее было пропитано благовониями, душа полна молитв. Она никогда не касалась вина, не ела мяса, не дотрагивалась до нечистого животного, не переступала порог дома, где лежал мертвый.

Она не знала непристойных изображений, ибо каждый бог проявлялся в различных видах и одно и то же божественное начало славил в самых противоречивых богослужениях. Саламбо поклонялась богине в ее лунном образе, и луна оказывала воздействие на девственницу: когда она убывала, Саламбо слабела. Она томилась весь день и оживала только к вечеру. Во время одного лунного затмения она чуть не умерла.

Но ревнивая Раббет мстила за то, что девственность Саламбо не посвятили служению ей, и она мучила Саламбо искушениями тем более сильными, что они были смутные, сливались с верой и загорались от молитв.

Дочь Гамилькара была неустанно занята Танит. Она узнала про все ее приключения и скитания, знала все ее имена и повторяла их, не понимая, что каждое имеет особый смысл. Чтобы проникнуть в глубину учения богини, ей хотелось увидеть в самом тайнике храма старинную статую Танит и ее пышное покрывало, от которого зависели судьбы Карфагена. Представление о божестве не было отчетливо отделено от его изображения, и держать в руках или даже глядеть на изображение божества значило как бы овладевать частицей его могущества и до некоторой степени подчинять его себе.

Саламбо обернулась. Она узнала звон золотых колокольчиков, которыми был обшит нижний край одежды Шагабарима.

Он поднимался по лестнице; взойдя на террасу, он остановился и скрестил руки.

Глубоко сидевшие глаза его сверкали, как светильники во мраке гробницы; длинное худое тело терялось в льняной одежде, отягченной бубенчиками, которые чередовались у пят с изумрудными шариками. У него было хрупкое тело, скошенный череп, острый подбородок. Кожа казалась холодной на ощупь, и желтое лицо с глубокими морщинами точно все судорожно сжалось от напряженного желанья, от вечной печали.

То был верховный жрец Танит, воспитатель Саламбо.

– Говори, – сказал он. – Чего ты желаешь?

– Я надеялась... Ты мне почти обещал...

Она запинаясь от волнения, потом вдруг сказала твердым голосом:

– Почему ты меня презираешь? Что я забыла в исполнении обрядов? Ты мой учитель, и ты мне сказал, что никто не умеет так служить богине, как я. Но есть в этом служении нечто, чего ты не хочешь мне открыть. Это правда, отец?

Шагабарим вспомнил приказания Гамилькара и ответил:

– Нет, мне нечего больше открывать тебе!

– Какой-то дух, – продолжала она, – преисполняет меня любовью к Танит. Я поднималась по ступеням Эшмуна, бога планет и духов, я спала под золотым масличным деревом Мель-карта, покровителя тирских колоний, мне открывались двери Ваал-Камона, бога света и плодородия, я приносила жертвы подземным Кабирам, богам лесов, ветров, рек и гор. Но все они слишком далеки, слишком высоки, слишком бесчувственны. Ты понимаешь меня? Танит же, я чувствую, причастна к моей жизни, она наполняет мою душу, и я вздрагиваю от ее устремлений. Она точно срывается с места, чтобы высвободиться. Мне кажется, что я сейчас услышу ее голос, увижу ее лицо. Меня ослепляют молнии, и потом я снова погружаюсь во мрак.

Шагабарим молчал. Она устремила на него умоляющий взгляд.

Наконец он знаком велел удалить рабыню, которая не принадлежала к ханаанскому племени. Таанах исчезла, и Шагабарим, подняв к небу руку, заговорил.

– До того как явились боги, – сказал он – был только мрак, и в нем носилось дыхание, тяжелое и смутное, как сознание человека во сне. Потом мрак сплотился, создав Желание и Облако, и из Желания и Облака вышла первобытная Материя. То была грязная, черная ледяная глубокая вода. Она заключала в себе нечувствующих чудовищ, разрозненные части будущих форм, которые изображены на стенах святилищ.

Потом Материя сгустилась. Она сделалась яйцом. Яйцо разбилось. Одна половина образовала землю, другая – небесный свод. Появились солнце, луна, ветры, тучи, под ударами грома проснулись разумные существа. Тогда в звездном пространстве распростерся Эшмун, Камой засверкал на солнце.

Мелькарт толкнул его своими руками за Гадес[45 - Гадес – финикийская колония в Испании, впоследствии город Кадис.], Кабиры ушли вниз под вулканы, и Раббет, точно кормилица, наклонилась над миром, изливая свой свет, как молоко, и расстилая ночь, как плащ.

- А потом? – спросила Саламбо.

Он рассказал ей о тайне рождения мира, чтобы развлечь ее ум более высокими представлениями, но вождения девственницы загорелись от его последних слов, и Шагабарим, наполовину уступая ей, сказал:

- Она рождает в людях любовь и управляет ею.

- Любовь в людях! – повторила Саламбо мечтательным голосом.

- Она – душа Карфагена, – продолжал жрец, – и хотя она разлита повсюду, но живет здесь, под священным покрывалом.

- Скажи, отец, – воскликнула Саламбо, – я увижу ее? Ты поведешь меня к ней? Я долго колебалась. Я сгораю от желания увидеть облик Танит. Сжался! Помоги мне! Идем к ней!

Он оттолкнул ее гневным и гордым движением.

- Никогда! Разве ты не знаешь, что при виде ее умирают? Ваалы-гермафродиты открываются только нам, мужам по уму, женщинам по слабости. Твое желание нечестиво. Удовлетворись знанием, которым ты владеешь!

Она упала на колени, заткнув уши пальцами в знак раскаяния, и долго рыдала, раздавленная словами жреца, преисполненная гневом против него, а также ужасом и чувством унижения. Шагабарим стоял перед нею бесчувственный. Он глядел на нее, распростертую у его ног, испытывая странную радость при мысли, что она страдает из-за богини, которую и он не мог объять всецело. Уже запели птицы, подул холодный ветер, на побледневшем небе носились тонкие облачка.

Вдруг он заметил на горизонте, за Тунисом, точно легкие полосы тумана, стлавшиеся по земле; потом в воздухе повисла большая завеса из серой пыли, и в вихрях тумана и пыли показались головы дромадеров, копья, щиты. Это войско варваров шло на Карфаген.

У стен Карфагена

В город примчались из окрестностей верхом на ослах или пешком обезумевшие от страха, бледные, запыхавшиеся люди. Они бежали от надвигавшегося войска. Оно в три дня вернулось из Сикки в Карфаген, чтобы все уничтожить.

Карфагеняне закрыли городские ворота. Варвары уже подступали, но остановились посередине перешейка, на берегу озера. Сначала они не обнаруживали своей враждебности. Некоторые приблизились с пальмовыми ветвями в руках. Их отогнали стрелами – до того был велик страх перед наемниками.

Утром и под вечер вдоль стен бродили иногда какие-то пришельцы. Особенно обращал на себя внимание маленький человек, старательно кутавшийся в плащ и скрывавший лицо под надвинутым забралом. Он часами пристально разглядывал акведук, очевидно, желая ввести карфагенян в заблуждение относительно своих истинных намерений. Его сопровождал другой человек, великан с непокрытой головой.

Но Карфаген был хорошо защищен во всю ширину перешейка – сначала рвом, затем валом, поросшим травой, наконец, стеной, высотой в двадцать локтей, из тесаных камней, в два этажа. В ней устроены были помещения для трехсот слонов и склады для их попон, пут и корма. Затем шли конюшни для четырех тысяч лошадей и для запасов овса, для упряжи, а также казармы для двадцати тысяч солдат с вооружением и военными снарядами. Над вторым этажом возвышались башни, снабженные бойницами; снаружи башни были защищены висевшими на крючьях бронзовыми щитами.

Эта первая линия стен служила непосредственным прикрытием для квартала Малки, где жили матросы и красильщики. Издали видны были шесты, на которых сушились пурпуровые ткани, и на последних террасах – глиняные печи для

варки рассола.

Сзади расположился амфитеатром город с высокими домами кубической формы. Дома были выстроены из камня, досок, морских валунов, камыша, раковин, утоптанной земли. Рощи храмов казались озерами зелени в этой горе из разноцветных глыб. Город разделен был площадями на неравные участки. Бесчисленные узкие улочки, скрещиваясь, разрезали гору сверху донизу. Виднелись ограды трех старых кварталов, примыкавшие теперь одна к другой; они возвышались местами в виде огромных подводных камней или тянулись длинными стенами, наполовину покрытые цветами, почерневшие, исполосованные нечистотами, и улицы проходили через зиявшие в них отверстия, как реки под мостами.

Холм Акрополя, в центре Бирсы[46 - Бирса – карфагенская цитадель.], весь исчезал в хаосе общественных зданий. Там были храмы с витыми колоннами, с бронзовыми капителями и металлическими цепями, каменные конусы сухой кладки с лазурными полосами, медные купола, мраморные перекладины, вавилонские контрфорсы, обелиски, стоящие на своей верхушке, как опрокинутые факелы. Перистили лепились к фронтонам; среди колоннад извивались волюты[47 - Волюта – лепное украшение в верхней части колонны.], гранитные стены поддерживались кирпичными переборками; все это, наполовину прячась, нагромождалось одно на другое странным и непонятным образом. Чувствовалось чередование веков и как бы память о далеких отчизнах.

Позади Акрополя, среди полей с красной почвой, тянулась прямой линией от берега к катакомбам маппальская дорога, окаймленная могилами. Дальше шли просторные дома, окруженные садами, и третий квартал, Мегара, новый город, простиравшийся вплоть до скалистого берега, на котором высился гигантский маяк. Его зажигали каждую ночь.

Таким представился Карфаген солдатам, занявшим равнину.

Они узнавали издали рынки, перекрестки и спорили о местонахождении храмов. Храм Камона, против Сисситов, выделялся своими золотыми черепицами; на крыше храма Мелькарта, слева от холма Эшмуна, виднелись ветви кораллов. За ними стоял храм Танит, и среди пальм круглился его медный купол; черный храм Молоха высился у подножия водоемов со стороны маяка. На углу фронтонов, на верхушке стен, на углах площадей – всюду ютились божества с уродливыми головами гигантских размеров или приземистые, с огромными животами, или

чрезмерно плоские, с раскрытой пастью, с распростертыми руками; они держали или вилы, или цепи, или копья; а в конце улиц сверкала синева моря, и улицы казались от этого еще более крутыми. С утра до вечера их наполняла суетливая толпа. У входа в бани кричали, звеня колокольчиками, мальчишки; в лавках, где продавались горячие напитки, стоял густой пар; воздух оглашался звоном наковален; на террасах пели белые петухи, посвященные Солнцу; в храмах раздавался рев закалываемых быков; рабы бегали с корзинами на голове, а в углублении портиков появлялись жрецы в темных плащах, босые, в остроконечных шапках.

Зрелище Карфагена раздражало варваров. Они восхищались им и в то же время ненавидели его; им одновременно хотелось и разрушить Карфаген, и жить в нем. Но что скрывалось в военном порту, защищенном тройной стеной? Дальше, за городом, в глубине Мегары, над Акрополем, возвышался дворец Гамилькара.

Глаза Мато ежеминутно устремлялись туда. Он взбирался на масличные деревья и нагибался, прикладывая руку к глазам. В садах никого не было, и красная дверь с черным крестом оставалась все время закрытой.

Более двадцати раз обошел Мато укрепления, выискивая брешь, через которую мог бы пройти. Однажды ночью он бросился в залив и в течение трех часов плыл без остановки. Приплыв к подножию Маппал, он хотел вскарабкаться на утес, но изранил до крови колени, сломал ногти, потом вновь кинулся в волны и вернулся.

Он приходил в бешенство от своего бессилия и чувствовал ревность к Карфагену, скрывающему Саламбо, как будто это был человек, владевший ею. Прежний упадок сил сменился безумной, неустанной жаждой деятельности. С разгоревшимся лицом, с гневным взглядом, что-то бормоча глухим голосом, он быстро шагал по полю или же, сидя на берегу, натирал песком свой большой меч. Он метал стрелы в пролетающих коршунов. Гнев свой он изливал в проклятиях.

– Дай волю своему гневу, пусть он умчится вдаль, как колесница, – сказал Спендий. – Кричи, проклинай, безумствуй и убивай. Горе можно утолить кровью, и так как ты не можешь насытить свою любовь, то насыть ненависть свою, она тебя поддержит!

Мато вновь принял начальство над своими солдатами и беспощадно мучил их маневрами. Его почитали за отвагу и в особенности за силу. К тому же он внушал какой-то мистический страх; думали, что он говорит по ночам с призраками. Другие начальники воодушевились его примером. Вскоре войско стало дисциплинированнее. Карфагеняне слышали в своих домах звуки букцин, которыми сопровождалась военные упражнения. Наконец варвары приблизились.

Чтобы раздавить их на перешейке, двум армиям нужно было оцепить их одновременно, одной – сзади, высадившись в глубине Утического залива, другой – у подножия горы Горячих источников. Но что можно было предпринять с одним Священным легионом, в котором числилось не более шести тысяч человек? Если бы варвары направились на восток, они соединились бы с кочевниками и отрезали киренскую дорогу и сообщение с пустыней. Если бы они отступили к западу, взбунтовались бы нумидийцы. Наконец, нуждаясь в съестных припасах, они рано или поздно опустошили бы окрестности, как саранча. Богатые дрожали за свои замки, виноградники, посева.

Ганнон предложил принять невыполнимо жестокие меры: назначить большую денежную награду за каждую голову варвара или же поджечь лагерь наемников при помощи кораблей и машин. Его товарищ, Гискон, напротив, требовал, чтобы им уплатили, что следовало. Старейшины ненавидели Гискона за его популярность: они боялись, чтобы случай не навязал им властителя; страшась монархии, они старались ослабить все, что от нее оставалось или могло ее восстановить.

За укреплениями Карфагена жили люди другой расы и неведомого происхождения. Все они охотились на дикобразов и питались моллюсками и змеями. Они ловили в пещерах живых гиен и по вечерам, забавляясь, гоняли их по пескам Мегары между могильными памятниками. Их хижины, построенные из ила и морских трав, лепились к скалам, как гнезда ласточек. У них не было ни правителей, ни богов; они жили скопом, голые, слабые и вместе с тем свирепые, испокон веков ненавистные народу за свою нечистую душу. Часовые заметили однажды, как все они исчезли.

Наконец члены Великого совета приняли решение. Они явились в лагерь наемников, как соседи, без ожерелий и поясов, в открытых сандалиях. Они шли спокойным шагом, кланяясь начальникам, останавливаясь, чтобы поговорить с солдатами, заявляя, что теперь со всем покончено и все их требования будут

удовлетворены.

Многие из них впервые видели лагерь наемников. Вместо суеты, которой они ожидали, в лагере царили порядок и грозное молчание. Вал укрывал войско за высокой стеной, неприступной для катапульт. Улицы внутри лагеря были политы свежей водой; из отверстий в палатках выглядывали горевшие во мраке дикие взоры. Связки пик и развешенное оружие ослепляли своим блеском, как зеркала. Пришедшие говорили между собой вполголоса. Они боялись задеть и опрокинуть что-нибудь своими длинными одеждами.

Солдаты стали требовать съестных припасов, обязуясь уплатить за них из тех денег, что были им должны.

Им послали быков, баранов, цесарок, сушеные плоды, волчьи бобы и копченую скумбрию, ту превосходную скумбрию, которую Карфаген отправлял во все порты. Но солдаты глядели с пренебрежением на великолепный скот и нарочно хулили соблазнявшие их припасы; они предлагали за барана стоимость голубя, а за трех коз – цену одного гранатового яблока. Пожиратели нечистой пищи выступали в качестве оценщиков и заявляли, что их обманывают. Тогда наемники обнажали мечи, угрожая резней.

Посланцы Великого совета записывали, за сколько лет службы следовало заплатить каждому солдату. Но никак нельзя было установить, сколько взято было на службу наемников, и старейшины пришли в ужас, когда выяснилось, какую огромную сумму они должны уплатить. Пришлось бы продать запасы сиффия и обложить податью торговые города. Но тем временем наемники потеряли бы терпение; Тунис уже перешел на их сторону. Богатые, оглушенные неистовством Ганнона и попреками его товарища, советовали горожанам сейчас же отправиться каждому к знакомому ему варвару, чтобы вновь завоевать его расположение дружескими словами. Такое доверие должно было успокоить наемников.

Купцы, писцы, рабочие из арсенала, целые семьи отправились к варварам.

Наемники впускали к себе всех карфагенян, но только через один вход, и такой узкий, что в нем едва могли поместиться рядом четыре человека. Спендий ждал их у ограды и подвергал всех внимательному обыску. Мато, стоя против него, рассматривал толпу, стремясь найти в ней кого-нибудь, кого он, быть может,

видел у Саламбо.

Лагерь похож был на город – столько там было людей и оживления. Две разные толпы смешивались в нем, отнюдь не сливаясь; одна была в полотняных или шерстяных одеждах, в войлочных шайках, похожих на еловые шишки, а другая – в латах и шлемах. Среди слуг и уличных торговцев бродили женщины всех племен, смуглые, как спелые финики, зеленоватые, как маслины, желтые, как апельсины; это были женщины, проданные матросами, взятые из притонов, украденные у караванов, захваченные при разгроме городов; их изнуряли любовью, пока они были молоды, а потом, когда они старели, избивали. При отступлении они умирали вдоль дорог среди поклажи вместе с брошенными вьючными животными. Жены кочевников в одеждах из квадратов верблюжьей шерсти рыжего цвета раскачивались на пятках; певицы из Киренаики в прозрачных фиолетовых одеждах, с насурмленными бровями, пели, сидя, поджав ноги, на циновках; старые негритянки с отвисшей грудью собирали помет животных и сушили его на солнце, чтобы развести огонь; у сиракузянок в волосах были золотые бляхи; на женщинах лузитанского племени – ожерелья из раковин; галльские женщины кутали в волчьи шкуры белую грудь; крепыши-мальчики, покрытые паразитами, голые, необрезанные, норовили ударить прохожего головой в живот или же, подходя к нему сзади, кусали ему руки, как молодые тигры.

Карфагеняне ходили по лагерю, удивляясь обилию и разнообразию всего, что они видели. Более робкие имели печальный вид, а другие скрывали свою тревогу.

Солдаты, подшучивая, хлопали их по плечу. Заметив кого-нибудь из видных карфагенян, они приглашали его развлечься. Играя в диск, они старались отдавить ему ноги, а в кулачном бою сейчас же сворачивали челюсть. Пращники пугали карфагенян своими пращами, заклинатели – своими змеями, наездники – своими лошадьми. Мирные карфагеняне сносили обиды понуря голову и старались улыбаться. Некоторые, чтобы выказать храбрость, давали понять знаками, что хотят быть солдатами. Им предлагали рубить дрова и чистить мулов. Их заковывали в латы и катали, как бочки, по улицам лагеря. Потом, когда они собирались уходить, наемники, кривляясь, делали вид, что в отчаянии рвут на себе волосы.

Многие из них, по глупости или в силу предрассудков, наивно считали всех карфагенян очень богатыми и шли за ними следом, умоляя дать им что-нибудь.

Они зарились на все, что им казалось красивым: кольца, пояса, сандалии, бахрому на платье, и когда ограбленный карфагенянин восклицал: «У меня больше ничего нет! Что тебе от меня нужно?». Они отвечали: «Твою жену!». Другие же говорили: «Твою жизнь!».

Военные счета были сданы начальникам, прочитаны солдатам и окончательно утверждены. Тогда они потребовали палаток; им дали палатки. Греческие полемархи[62 - Полемарх – один из девяти архонтов, высших правителей древних Афин, ведавший военными делами государства. Здесь – военачальник.] попросили дать им несколько красивых доспехов, которые изготовлялись в Карфагене. Великий совет постановил выдать им определенную сумму для приобретения доспехов. Затем наездники заявили, что Республика по справедливости должна заплатить им за потерю лошадей. Один утверждал, что у него пали три лошади при какой-то осаде, другой – будто потерял пять лошадей во время такого-то похода, а у третьего, по его словам, погибло в пропастях четырнадцать лошадей. Им предложили гекатомпильских жеребцов; они предпочли деньги.

Потом они потребовали, чтобы им заплатили серебром (серебряной монетой, а не кожаными деньгами) за весь хлеб, который им были должны, и по той высокой цене, по которой он продавался во время войны, – другими словами, они требовали за меру муки в четыреста раз больше, чем платили сами за мешок пшеницы. Эта несправедливость всех возмутила; пришлось, однако, уступить.

Тогда представители солдат и посланцы Великого совета примирились, призывая в свидетели своих клятв духа-хранителя Карфагена и богов варварских племен. Они принесли взаимные извинения и наговорили друг другу любезностей с чисто восточной горячностью и многоречием. После этого солдаты потребовали в знак дружбы, чтобы были наказаны все предатели, которые вооружили их против Республики.

Карфагеняне сделали вид, что не понимают. Тогда наемники определенно заявили, что требуют голову Ганнона.

Они по несколько раз в день выходили из лагеря и, прогуливаясь перед стенами, кричали, чтобы им бросили голову суффета; они подставляли края одежд, чтобы ее поймать.

Великий совет, быть может, и уступил бы, если бы они не предъявили еще одного условия, более оскорбительного, чем все другие: они потребовали, чтобы их вождям отданы были в жены девственницы из лучших карфагенских семей. Это придумал Спендий, и многие из наемников сочли его предложение совершенно простым и приемлемым. Такое дерзостное желание породниться с пунической знатью возмутило карфагенян; они резко заявили, что больше ничего не дадут. Тогда наемники стали кричать, что их обманули и что если через три дня им не выдадут жалованье, они сами отправятся за ним в Карфаген.

Вероломство наемников, однако, не было так безгранично, как думали их враги. Гамилькар многократно брал на себя чрезмерные обязательства. Обещания его были, правда, неопределенные, но весьма торжественные. Наемники имели право ожидать, что, когда они высадятся в Карфагене, им отдадут весь город и они поделят между собой его сокровища. Когда же оказалось, что им едва ли выплатят жалованье, это было таким же разочарованием для их гордости, как и для их жадности.

Ведь являли же собою Дионисий[63 - Дионисий - имя двух сиракузских тиранов. Более значителен Дионисий I, или Старший (431-367 гг. до н. э.); он вел длительную и упорную борьбу с Карфагеном за обладание всей Сицилией.], Пирр, Агафокл[65 - Агафокл (360-289 гг. до н. э.) - сиракузский тиран. В 310 г. предпринял осаду Карфагена.] и военачальники Александра пример сказочных воинских удач. Идеал Геркулеса, которого ханаанеяне смешивали с богом солнца, сиял на горизонте войск. Известно было, что простые солдаты становились иногда венценосцами, и слухи о крушении империй пробуждали честолюбивые мечты галлов, обитавших в дубовых лесах, эфиопов, живших среди песков. И был народ, всегда готовый использовать чужую храбрость. Поэтому воры, изгнанные своими соплеменниками, убийцы, скитавшиеся по дорогам, преступники, преследуемые богами за святотатство, все голодные, все пришедшие в отчаяние старались добраться до порта, где карфагенский вербовщик набирал войско. Обыкновенно Карфаген выполнял свои обещания. На этот раз, однако, неистовая жадность Карфагена вовлекла его в опасное предательство. Нумидийцы, ливийцы и вся Африка собирались напасть на Карфаген. Только море оставалось свободным. Там могли быть римляне. И, подобно человеку, на которого со всех сторон набросились убийцы, Карфаген чувствовал вокруг себя смерть.

Пришлось обратиться к помощи Гискона; варвары согласились на его посредничество. Однажды утром опустились цепи порта и три плоских судна, пройдя через канал Тения, вошли в озеро.

На первом судне стоял на носу Гискон. За ним возвышался, точно высокий катафалк, огромный ящик, снабженный кольцами наподобие висящих венков. Затем появилось множество переводчиков со сфинксообразными головными уборами; у каждого на груди был вытатуирован попугай. За ними следовали друзья и рабы, все безоружные; их было столько, что они стояли плечом к плечу. Три длинные барки, чуть не тонувшие под тяжелым грузом, подвигались вперед под шум приветствий глядевшего на них войска.

Как только Гискон сошел на берег, солдаты побежали ему навстречу. По его приказу соорудили нечто вроде трибуны из мешков, и он заявил, что не уедет, прежде чем не заплатит всем сполна.

Раздались рукоплескания; он долго не мог произнести ни слова.

Затем он стал упрекать и Республику, и варваров, говоря, что во всем виноваты несколько бунтовщиков, испугавших Карфаген своей дерзостью. Лучшим доказательством добрых намерений Карфагена служило, по его словам, то, что к ним послали именно его, всегдашнего противника суффета Ганнона. Нечего поэтому приписывать Карфагену глупое намерение раздражать храбрецов или же черную неблагодарность, нежелание признать заслуги наемников. И Гискон принялся за выплату солдатам жалованья, начав с ливийцев. Но так как представленные счета были лживы, то он и не пользовался ими.

Солдаты проходили перед ним по племенам, показывая каждый на пальцах, сколько лет он служил; их поочередно метили на левой руке зеленой краской; писцы вынимали пригоршни денег из раскрытого ящика, а другие пробуравливали кинжалом отверстия на свинцовой пластинке.

Прошел человек с тяжелой поступью, наподобие быка.

– Поднимись ко мне, – сказал суффет, подозревая обман. – Сколько лет ты служил?

– Двенадцать лет, – ответил ливиец.

Гискон просунул ему пальцы под челюсть, где ремень от каски натирал всегда две мозоли; их называли рогами, и иметь «рога» значило быть ветераном.

– Вор! – воскликнул суффет. – Я, наверное, найду у тебя на плечах то, чего нет на лице.

Разорвав его тунику, он обнажил спину, покрытую кровоточивой коростой: это был землепашец из Гиппо-Зарита[48 - Гиппо-Зарит (современная Бизерта) – одна из старейших финикийских колоний в Северной Африке, была в зависимости от Карфагена.]. Поднялся шум, обманщику отрубили голову.

Наступила ночь. Спендий пошел к ливийцам, разбудил их и сказал:

– Когда лигуры, греки, балеары, так же как и италийцы, получают свое жалованье, они вернутся домой. Вы же останетесь в Африке, рассеянные среди своих племен и совершенно беззащитные. Тогда-то Карфаген и начнет вам мстить! Берегитесь обратного пути! Неужели вы верите их словам? Оба суффета действуют согласно! Гискон вас обманывает! Помните про остров Костей, про Ксантиппа, которого они отправили обратно в Спарту на негодном судне!

– Что же нам делать? – спросили они.

– Подумайте, – сказал Спендий.

Следующие два дня прошли в уплате жалованья солдатам из Магдалы, Лептиса[49 - Лептис, Малый и Большой – города в Северной Африке, зависевшие от Карфагена.], Гекатомпиля. Спендий стал часто ходить к галлам.

– Теперь расплачиваются с ливийцами, – говорил он им, – а потом заплатят грекам, балеарам, азиатам и всем другим! Вас же немного, и вы ничего не получите! Вы не увидите больше родины! Вам не дадут кораблей! Они вас убьют, чтобы не тратиться на вашу еду.

Галлы отправились к суффету. Автарит, тот, которого Гискон ранил у Гамилькара, стал предлагать ему вопросы. Рабы его вытолкали; но, уходя, он поклялся отомстить.

Требований и жалоб становилось все больше и больше. Наиболее упрямые проникали в палатку суффета; чтобы разжалобить, они хватали его за руки, заставляли щупать свои беззубые рты, худые руки и рубцы старых ран. Те, которым еще не уплатили, возмущались, а кто получил жалованье, требовали еще денег за лошадей. Бродяги, изгнанники захватывали оружие солдат и утверждали, что про них забыли. Каждую минуту вихрем вваливались новые толпы; палатки трещали, падали; сдавленные между укреплениями лагеря, солдаты с криками подвигались от входов к центру. Когда шум становился нестерпимым, Гискон опирался локтем на свой скипетр из слоновой кости и, глядя на море, стоял неподвижно, запустив пальцы в бороду.

Мато часто отходил в сторону и говорил со Спендием; потом он снова глядел в лицо суффету, и Гискон непрерывно чувствовал направленные на него глаза, точно две пылающие зажигательные стрелы. Они несколько раз осыпали друг друга ругательствами через головы толпы, не слыша, однако, слов друг друга.

Тем временем платеж продолжался, и суффет умело справлялся со всеми препятствиями.

Греки придирались к нему из-за различия монет. Он представил им такие убедительные разъяснения, что они удалились, не выражая недовольства. Негры требовали, чтобы им дали белые раковины, которые употреблялись для торговых сделок внутри Африки. Гискон предложил послать за ними в Карфаген. Тогда они, как и все другие, согласились принять деньги.

Балеарам обещали нечто лучшее – женщин. Суффет ответил, что для них ожидается целый караван девственниц, но путь далек, и нужно ждать еще шесть месяцев. Он сказал, что когда женщины достаточно располнеют, их натрут благовонными маслами и отправят на кораблях в балеарские порты.

Вдруг Зарксас, вновь окрепший, статный, вскочил, как фокусник, на плечи друзей.

– Ты, что ж, поберег их для трупов? – крикнул он, показывая на Камонские ворота в Карфагене.

При последних лучах солнца медные дощечки, украшавшие ворота сверху донизу, сверкали. Варварам казалось, что они видят следы крови. Каждый раз, как Гискон собирался говорить, они поднимали крик. Наконец он спустился медленной поступью и заперся у себя в палатке.

Когда он вышел оттуда на заре, его переводчики, которые спали на воздухе, не шевельнулись; они лежали на спине с остановившимся взглядом, высунув язык, и лица их посинели. Беловатая слизь текла у них из носа, и тела их окоченели, точно они замерзли за ночь. У каждого виднелся на шее тонкий камышовый шнурок.

Мятеж стал разрастаться. Убийство балеаров, о котором напомнил Зарксас, укрепило подозрения, возбуждаемые Спендием. Они уверили себя, что Республика, как всегда, хочет обмануть их. Пора с этим покончить. Можно обойтись без переводчиков! Зарксас, с повязкой на голове, пел военные песни; Автарит потрясал большим мечом; Спендий одному что-то шептал на ухо, другому добывал кинжал. Более сильные старались сами добыть себе жалованье, менее решительные просили продолжать раздачу. Никто не снимал оружия, и общий гнев объединялся в грозное негодование против Гискона.

Некоторые, вскарабкавшись, стали тут же рядом с ним; пока они выкрикивали ругательства, их терпеливо слушали; если же они хоть одним словом заступались за него, их немедленно избивали камнями или сносили им головы сзади ударом сабли. Груда мешков была краснее жертвенника!

После еды, выпив вина, они становились ужасными. В карфагенских войсках вино было запрещено под страхом смертной казни, и они поднимали чаши в сторону Карфагена, высмеивая дисциплину. Потом они возвращались к рабам, охранявшим казну, и возобновляли резню. Слово «бей», звучавшее по-иному на разных языках, было всем понятно.

Гискон знал, что родина отступилась от него, но не хотел нанести ей бесчестья. Когда солдаты напомнили ему, что им обещали корабли, он поклялся Молохом, что сам, на собственные средства, доставит их; сорвав с шеи ожерелье из синих жемчужин, он бросил его в толпу как залог. Тогда африканцы потребовали

хлеба, согласно обещаниям Великого совета. Гискон разложил счета Сисситов, написанные фиолетовой краской на овечьих шкурах. Он прочел список всего ввезенного в Карфаген, месяц за месяцем и день за днем.

Вдруг он остановился, широко раскрыв глаза, точно прочел среди цифр свой смертный приговор.

Он увидел, что старейшины обманно сбавили все цифры, и хлеб, проданный в самую тяжелую пору войны, был помечен по такой низкой цене, что нужно было быть слепым, чтобы поверить приведенным цифрам.

- Говори громче! - кричали ему. - Он придумывает, как лучше солгать, негодяй! Не верьте ему!

Несколько времени Гискон колебался, потом продолжал чтение.

Солдаты, не подозревая, что их обманывают, принимали на веру счета Сисситов. Изобилие всего в Карфагене вызвало у них бешеную зависть. Они разбили ящик из сикоморового дерева, но он оказался на три четверти пустым. На их глазах оттуда вынимали такие суммы, что они считали ящик неисчерпаемым и решили, что Гискон зарыл деньги у себя в палатке. Они взобрались на груды мешков. Мато шел во главе их. На крики: «Денег, денег!» Гискон наконец ответил:

- Пусть вам даст деньги ваш предводитель!

Он безмолвно глядел на них своими большими желтыми глазами, и длинное лицо его было белее бороды. Стрела, задержанная перьями, торчала у него за ухом, воткнувшись в широкое золотое кольцо, и струйка крови стекала с его тиары на плечо.

По знаку Мато все двинулись вперед. Гискон распростер руки, Спендий стянул ему кисти рук затяжной петлей, кто-то другой повалил его, и он исчез в беспорядочно метавшейся толпе, которая бросилась на мешки.

Толпа разгромила его палатку; там оказались только необходимые обиходные предметы; после более тщательного обыска нашли еще три изображения богини Танит, а также завернутый в обезьянью шкуру черный камень, упавший с луны.

Гискона сопровождало по собственному желанию много карфагенян; все это были люди с высоким положением, принадлежавшие к военной партии.

Их вывели за палатки и бросили в яму для нечистот. Привязав их железными цепями за живот к толстым кольям, им протягивали пищу на остриях копий.

Автарит, находясь при них на страже, осыпал их ругательствами; они не понимали его языка и не отвечали; тогда галл время от времени бросал им в лицо камешки, чтобы слышать их крики.

Со следующего же дня какое-то томление охватило войско. Гнев улегся, и людей объяла тревога. Мато ощущал смутную печаль. Он как бы косвенно оскорбил Саламбо. Точно эти богатые были связаны с нею. Он садился ночью на край ямы и слышал в их стогах что-то, напоминавшее голос, которым полно было его сердце.

Все обвиняли ливийцев, потому что только им одним уплатили жалованье. Но вместе с оживавшей национальной неприязнью, наряду с враждой к отдельным лицам укреплялось сознание, что опасно отдаваться таким чувствам. Их ожидало страшное возмездие за то, что они совершили, и нужно было предотвратить месть Карфагена. Происходили нескончаемые совещания, без конца произносились речи. Каждый говорил, не слушая других, а Спендий, обыкновенно очень словоохотливый, только качал головой в ответ на все предложения.

Однажды вечером он как бы невзначай спросил Мато, нет ли источников в городе.

– Ни одного! – ответил Мато.

На следующий день Спендий увлек его на берег озера.

– Господин! – сказал бывший раб. – Если сердце твое отважно, я проведу тебя в Карфаген.

– Каким образом? – задыхаясь, спросил Мато.

– Поклянись выполнять все мои распоряжения и следовать за мной как тень.

Мато, подняв руку к светилу Хабар, воскликнул:

– Клянусь тебе именем Танит!

Спендий продолжал:

– Завтра после заката солнца жди меня у подножия акведука, между девятой и десятой аркадами. Возьми с собой железный лом, каску без перьев и кожаные сандалии.

Водопровод, о котором он говорил, прорезывал наискось весь перешеек. Это было замечательное сооружение, впоследствии увеличенное римлянами. Несмотря на свое презрение к другим народам, Карфаген неуклюже заимствовал у них это новое изобретение, так же как Рим заимствовал у Карфагена пуническую галеру. Пять этажей арок тяжелой архитектуры, с контрфорсами внизу и львиными головами наверху, доходили до западной части Акрополя, где они спускались под город, выливая почти целую реку в мегарские цистерны.

В условленный час Спендий встретился там с Мато. Он привязал нечто вроде багра к концу веревки и быстро завертел ею, как пращой; железное орудие зацепилось за стену, и они стали друг за другом карабкаться на нее.

Когда они поднялись на высоту первого этажа, зацепка, которую они бросали вверх, каждый раз падала обратно. Чтобы найти какую-нибудь расщелину, приходилось идти по краю выступа; но он становился все более узким по мере того, как они поднимались на верхние ряды арок. Потом веревка стала ослабевать и несколько раз чуть не порвалась.

Наконец они добрались до самого верха. Спендий время от времени наклонялся и щупал рукой камни.

– Здесь, – сказал он. – Давай начнем!

Налегая на лом, захваченный Мато, они подняли одну из плит.

Они увидели вдали всадников, мчавшихся на невзнузданных лошадях. Золотые запястья прыгали в широких складках их плащей. Впереди скакал человек в головном уборе со страусовыми перьями; он держал по копьё в каждой руке.

– Нар Гавас! – воскликнул Мато.

– Так что же! – возразил Спендий и вскочил в отверстие, образовавшееся под плитой.

Мато попытался по его приказу поднять одну из каменных глыб. Но ему не хватало места раздвинуть локти.

– Мы вернемся сюда, – сказал Спендий. – Ступай вперед.

Они вступили в водопровод.

Сначала они стояли в воде по живот, но вскоре зашатались и должны были пуститься вплавь, причем беспрестанно стучались о стенки слишком узкого канала. Вода текла почти под самой верхней плитой; они расцарапали себе лица. Потом их увлек поток. Тяжелый могильный воздух теснил им грудь; прикрывая голову руками, сжимая колени, вытягиваясь насколько только было возможно, они неслись во мраке, как стрелы, задыхаясь, хрипя, еле живые. Вдруг все почернело перед ними, и быстрота потока увеличилась. Они упали.

Поднявшись на поверхность воды, они пролежали несколько мгновений на спине, с наслаждением вдыхая воздух. Аркады одна за другой раскрывались вдали, среди широких стен, разделявших водоемы. Все они были полны, и вода текла сплошной пеленой во всю длину цистерн. С куполов потолка через отдушины струилось бледное сияние, расстилавшее по воде как бы диски света; окружающий мрак, сгущаясь у стен, отодвигал их бесконечно далеко. Малейший звук будил громкое эхо.

Спендий и Мато снова пустились вплавь и проплыли через арки несколько бассейнов кряду. Еще два ряда меньших водоемов тянулись параллельно с каждой стороны. Пловцы сбились с дороги, кружились, возвращались обратно; наконец они почувствовали упор под ногами – то был мощный пол галереи, тянувшейся вдоль водоемов.

Тогда, продвигаясь вперед с величайшей осторожностью, они стали ощупывать стену, чтобы найти выход. Но их ноги скользили; они падали в глубокие бассейны, поднимались, вновь падали и чувствовали страшную усталость. Их тела точно растаяли в воде во время плавания. Они закрыли глаза, чувствуя близость смерти.

Спендий ударился рукой о решетку. Вместе с Мато он стал ее расшатывать, и решетка подалась. Они очутились на ступеньках лестницы. Ее замыкала сверху бронзовая дверь. Они отодвинули острием кинжала засов, открывавшийся снаружи, и вдруг их окутал свежий воздух.

Ночь была объята молчанием, и небо казалось неизмеримо высоким. Над длинными стенами высились верхушки деревьев. Весь город спал. Огни передовых постов сверкали, как блуждающие звезды.

Спендий провел три года в эргастуле и плохо знал расположение городских кварталов. Мато полагал, что путь к дворцу Гамилькара должен быть налево, через Маппалы.

– Нет, – сказал Спендий, – проведи меня в храм Танит.

Мато хотел что-то сказать.

– Помни! – сказал бывший раб и, подняв руку, указал ему на сверкающую планету Хабар.

Мато безмолвно направился к Акрополю.

Они ползли вдоль кактусовых изгородей, окаймлявших дорожки. Вода стекала с их тел на песок. Влажные сандалии скользили бесшумно. Спендий, у которого глаза сверкали, как факелы, обшаривал на каждом шагу кустарники. Он шел за Мато, положив руки на два кинжала, которые держал под мышками на кожаных ремнях.

Танит

Выйдя из садов, Мато и Спендий очутились перед оградой Мегары; они нашли пролом в высокой стене и прошли в него.

Местность спускалась отлого, образуя широкую долину. Перед ними было открытое пространство.

– Выслушай меня, – сказал Спендий, – и прежде всего ничего не бойся! Я исполню свое обещание...

Он остановился и задумался, как бы отыскивая слова.

– Помнишь, однажды, в час восхода солнца, на террасе Саламбо я показал тебе Карфаген? Мы были тогда сильные, но ты не хотел меня слушать!

Потом он продолжал торжественным голосом:

– Господин, в святилище Танит есть таинственное покрывало, упавшее с неба и покрывающее богиню.

– Я знаю, – сказал Мато.

Спендий продолжал:

– Это покрывало само священо, потому что оно – часть богини. Боги обитают там, где находится их подобие. Карфаген могуществен только потому, что владеет этим покрывалом.

Нагибаясь к уху Мато, он добавил:

– Я привел тебя сюда для того, чтобы ты его похитил!

Мато отпрянул в ужасе.

– Уходи! Поищи кого-нибудь другого! Я не желаю помогать тебе в гнусном преступлении.

– Танит твой враг, – возразил Спендий. – Она тебя преследует, и ты умираешь от ее гнева. Ты отомстишь ей. Она будет тебе повиноваться. Это сделает тебя почти бессмертным и непобедимым.

Мато опустил голову, и Спендий продолжал:

– Мы потерпим поражение, войско само собой погибнет. Нам нечего надеяться ни на бегство, ни на помощь, ни на прощение! Какого наказания со стороны богов страшишься ты? Ведь у тебя будет в руках вся их сила! Неужели ты предпочитаешь, проиграв битву, погибнуть жалкой смертью где-нибудь под кустом или среди издевательств черни, в пламени костра? Господин мой, наступит день, когда ты войдешь в Карфаген, окруженный коллегиями жрецов, которые будут целовать твои сандалии, и если покрывало Танит и тогда покажется тебе слишком тяжелым бременем, ты водворишь его снова в храм. Следуй за мной и возьми его!

Страшный соблазн терзал Мато. Ему хотелось бы, не совершая святотатства, овладеть покрывалом. Он говорил себе, что, быть может, возможно завладеть чарами покрывала, не похищая его. Он не решался проникнуть в глубь своих мыслей и останавливался на краю пугавшей его опасности.

– Идем! – сказал он, и они быстро отправились вместе, ничего не говоря.

Дорога опять пошла вверх, и дома начали сдвигаться плотнее. Путники кружились в узких улицах среди темноты. Обрывки плетений, закрывавшие входы, ударялись о стены. На одной из площадей перед охапками нарезанной травы медленно жевали пищу верблюды. Потом Мато и Спендий прошли по галерее, покрытой листвой. Стая собак громко залаяла. Местность вдруг стала открытой, и они увидели перед собой западный фасад Акрополя. У подножия Бирсы тянулась длинная черная громада: то был храм Танит – строения и сады, двор, палисадник, окаймленные низкой каменной стеной сухой кладки. Спендий и Мато перелезли через нее.

В этой первой ограде была платановая роща, разведенная для предохранения от чумы и заражения воздуха. Местами раскинуты были палатки, где днем продавали помаду для уничтожения волос на теле, духи, одежду, пирожки в виде месяца, а также изображения богини и ее храма, выдолбленные в куске алебаstra.

Путникам нечего было бояться, ибо в те ночи, когда луна не показывалась, богослужений в храме не совершали; все же Мато замедлил шаг и остановился перед тремя ступенями из черного дерева, которые вели ко второй ограде.

- Вперед! - сказал Спендий.

Гранатовые и миндальные деревья, кипарисы и мирты, неподвижные, точно бронзовые, правильно чередовались в саду; устилавшие дорогу синеватые камешки скрипели под ногами, и распустившиеся розы свисали, образуя навес вдоль всей аллеи. Они пришли к овальному отверстию, загражденному решеткой. Мато, пугаясь тишины, сказал Спендию:

- Здесь мешают пресные воды с горькими.

- Я все это видал, - ответил прежний раб, - в Сирии, в городе Мафуге.

Поднявшись по лестнице из шести серебряных ступенек, они дошли до третьей ограды.

Там стоял посредине огромный кедр. Нижние ветви его исчезали под кусками тканей и ожерельями, повешенными молящимися. Путники сделали еще несколько шагов, и перед ними открылся весь фасад храма.

Два длинных портика, архитравы которых покоились на низких колоннах, расположены были по обе стороны четырехугольной башни; кровлю башни украшало изображение лунного серпа. На углах портиков и в четырех углах башни стояли сосуды с зажженными курениями. Гранаты и колоквинты отягчали капители. На стенах чередовались витые линии, косоугольники, нити жемчуга; серебряная ограда филигранной работы расположена была большим полукругом перед бронзовой лестницей, спускавшейся вниз из сеней.

У входа, между золотым столбом и изумрудным, стоял каменный конус; проходя мимо него, Мато поцеловал свою правую руку.

Первая комната была очень высокая, со сводом, прорезанным бесчисленными отверстиями; подняв голову, можно было видеть звезды. Вдоль всей стены в тростниковых корзинах лежали кучей волосы и бороды - дары юношей,

достигших возмужалости; посередине круглого помещения стоял бюст женщины на колонне, покрытой изображениями груди. Тучная бородатая женщина с полузакрытыми глазами как будто улыбалась, скрестив руки внизу, на толстом животе, отполированном поцелуями толпы.

Потом они снова очутились на свежем воздухе, в поперечном коридоре, где стоял маленький жертвенник, прислоненный к двери из слоновой кости. Дальше идти запрещалось, только жрецы имели право открывать дверь, так как храм не был местом сборища для толпы, но особым жилищем божества.

– Наш замысел неосуществим! – сказал Мато. – Ты не подумал об этом! Вернемся назад!

Спендий стал осматривать стены.

Ему хотелось овладеть покрывалом не потому, что он верил в его чары (Спендий верил только в оракула), но он был убежден, что карфагеняне, лишившись покрывала, падут духом. Чтобы найти какой-нибудь выход, они обошли башню сзади.

В роще фисташковых деревьев виднелись маленькие здания различной формы. Местами стояли каменные фаллосы, и большие олени спокойно бродили, толкая раздвоенными копытами упавшие сосновые шишки.

Они пошли обратно между двумя длинными, параллельно тянувшимися галереями. По краям открывались маленькие кельи. Их кедровые колонны были увешаны тамбуринами и кимвалами. Женщины спали, растянувшись на циновках перед кельями. Тела их, лоснившиеся от притираний, распространяли запах пряностей и погасших курений; они были так покрыты татуировкой, так увешаны кольцами, ожерельями, так нарумянены и насурмлены, что, если бы не вздымалась грудь, их можно было бы принять за лежавших на земле идолов. Лотосы окружали фонтан, где плавали рыбы, подобные рыбам Саламбо; а в отдалении вдоль стены храма тянулся виноградник со стеклянными лозами, с изумрудными гроздьями винограда; лучи драгоценных камней играли между раскрашенными колоннами на лицах спящих женщин.

Мато задыхался в горячем воздухе, который веял от кедровых колонн. Все эти символы оплодотворения, благовония, сверкание драгоценных камней, дыхание

спящих давили его своей тяжестью. Среди мистических озарений он думал о Саламбо; она сливалась для него с самой богиней, и любовь его от этого раскрывалась, подобно большим лотосам, распускающимся в глубине вод.

Спендий высчитывал, сколько денег он в прежнее время зарабатывал бы, торгуя этими женщинами; быстрым взглядом определял он, проходя мимо, вес золотых ожерелий.

И с этой стороны нельзя было проникнуть в храм. Они пошли назад через первую комнату. В то время как Спендий все оглядывал и обшаривал, Мато, распростершись перед дверью, взывал к Танит. Он молил ее не допустить святотатства, он старался умиловить ее ласковыми словами, точно человека, охваченного гневом.

Спендий увидел узкое отверстие над дверью.

– Встань! – сказал он Мато и велел ему стоя прислониться к стене.

Став одной ногой ему на руки, а другой на голову, он добрался до отдушины и исчез в ней. Потом Мато почувствовал, что ему на плечи упала веревка с узлами, та, которую Спендий намотал вокруг своего тела, прежде чем спуститься в водоем; ухватившись за нее обеими руками, Мато вскоре оказался около Спендия в большом зале, полном мрака.

Подобное покушение казалось чем-то совершенно необычайным. Меры предосторожности были недостаточны, потому что его считали невозможным. Страх охранял святилище гораздо вернее, чем стены.

Мато на каждом шагу ожидал, что вот-вот он умрет. В глубине мрака дрожал свет, и они приблизились к нему. То был светильник, горевший в раковине на подножии статуи в кабирском головном уборе. Алмазные диски рассыпаны были по длинной синей одежде статуи, и цепи, спускавшиеся под плиты пола, держали ее за каблуки. Мато чуть не крикнул.

– Вот она, вот!.. – сказал он шепотом.

Спендий взял светильник, чтобы осветить мрак.

– Нечестивец! – прошептал Мато, но все же последовал за ним.

В помещении, куда они вошли, не было ничего, кроме черной настенной живописи, изображавшей женщину. Ноги ее занимали всю стену. Тело тянулось вдоль потолка. С ее пупка свисало на шнурке огромное яйцо, и она опрокидывалась на другую стену головой вниз, до самых плит пола, которых касались ее заостренные пальцы.

Чтобы пройти дальше, они раздвинули занавеску, но в это время подул ветер и загасил свет.

Тогда они стали блуждать, растерявшись, в запутанном архитектурном сооружении. Вдруг они почувствовали под ногами что-то изумительно мягкое. Сверкали искры, они ступали точно среди пламени. Спендий ощупал пол и догадался вдруг, что он устлан рысьими шкурами. Потом им показалось, что у их ног скользнула толстая мокрая веревка, холодная и липкая. Сквозь расселины в стене проникали внутрь тонкие белые лучи, и они шли, руководясь этим неровным светом; вдруг они увидели большую черную змею, которая быстро исчезла.

– Бежим! – воскликнул Мато. – Это она! Я чувствую ее близость.

– Да нет же! – ответил Спендий. – Храм теперь пуст.

Сноп ослепительного света заставил их опустить глаза.

Они увидели вокруг себя бесконечное количество животных, изнуренных, задыхающихся, выпускавших когти и сплетавшихся в таинственном беспорядке, наводившем ужас. У змей оказались ноги, у быков крылья; рыбы с человеческими головами пожирали плоды, цветы распускались в пасти у крокодилов, а слоны с поднятыми хоботами гордо носились по лазури неба, подобно орлам. Страшное напряжение растягивало различные члены их тела, которых было то слишком много, то недостаточно. Высовывая язык, они точно испускали дух. Тут были собраны все формы жизни: казалось, что все зародыши ее вырвались из разбившегося сосуда и очутились здесь, в стенах этого зала.

Двенадцать шаров из синего хрусталя окаймляли зал; их поддерживали чудовища, похожие на тигров, пучеглазые, как улитки; подобрал под себя

короткие ноги, чудовища были обращены головами в глубь зала, туда, где на колеснице из слоновой кости сияла верховная Раббет, всеоплодотворяющая, последняя в сонме измышленных божеств.

Чешуя, перья, цветы и птицы доходили ей до живота. В ушах у нее висели наподобие серег серебряные кимвалы, касавшиеся щек. Она глядела пристальным взором; сверкающий камень, в форме непристойного символа, прикрепленный к ее лбу, освещал весь зал, отражаясь над дверью в зеркалах из красной меди.

Мато сделал шаг вперед; под ногами его подалась одна из плит, и вдруг все шары закружились, все чудовища стали рычать; раздалась музыка, звучная и громовая, как гармония сфер; в ней изливалась бурная душа Танит. Казалось, она поднимется, раскрыв объятия, огромная, как весь зал. Но вдруг чудовища закрыли пасти, и хрустальные шары перестали кружиться.

Мрачные переливы звуков продержались еще некоторое время в воздухе и наконец затихли.

– Где же покрывало? – спросил Спендий.

Его нигде не было. Как его найти? Что, если жрецы его спрятали? У Мато разрывалось сердце; ему казалось, что обманули его веру.

– Иди за мной! – прошептал Спендий.

Его озарило вдохновение. Он увлек Мато за колесницу Танит, где отверстие шириной в локоть рассекало стену сверху донизу.

Они проникли через него в маленький круглый зал такой высоты, что он казался внутренностью колонны. Посредине находился большой полукруглый черный камень, похожий на тамбурин. На нем пылал огонь; позади возвышался конус из черного дерева, с головой и двумя руками.

Дальше виднелось нечто вроде облака, и на нем сверкали звезды; в глубине складок вырисовывались фигуры: Эшмун с Кабирами, несколько виденных ими до того чудовищ, священные животные вавилонян, затем другие, которых они не

знали. Все расстилалось, как плащ, перед самым лицом идола, потом, поднимаясь, тянулось по стене, зацеплялось углами о закрепы и казалось синим, как ночь, и в то же время желтым, как заря, пурпуровым, как солнце, нескончаемым, прозрачным, сверкающим, легким. То было покрывало богини, священный заимф; он должен был оставаться сокрытым от взоров.

Оба они побледнели.

– Возьми его! – сказал наконец Мато.

Спендий ни минуты не колебался; он оперся об идола и сдернул покрывало, которое упало на землю. Мато коснулся его, потом просунул голову в отверстие, закутался весь в покрывало и раздвинул руки, чтобы лучше его разглядеть.

– Идем! – сказал Спендий.

Мато стоял неподвижно, задыхаясь, и пристально глядел на плиты пола.

Вдруг он воскликнул:

– Почему бы мне не отправиться к ней! Я теперь не боюсь ее красоты! Что она может мне сделать! Я теперь превыше человека. Я мог бы пройти сквозь огонь, шагать по волнам. Мощный порыв уносит меня! Саламбо! Я – твой господин!

Голос у него звучал, как гром, и Спендию казалось, что Мато стал выше ростом и весь преобразился.

Послышались шаги, дверь открылась, и показался человек. То был жрец в высоком колпаке, с широко раскрытыми глазами. Прежде чем он успел сделать движение, Спендий ринулся к нему и, схватив его обеими руками, вонзил ему в тело два кинжала. Голова жреца громко стукнулась о каменные плиты.

Неподвижные, как лежавший перед ними труп, они стояли некоторое время, прислушиваясь: из полуоткрытой двери доносился только шум ветра.

Эта дверь вела в узкий проход. Спендий направился туда, Мато пошел за ним, и они почти тотчас же очутились в третьей ограде, между боковыми портиками,

где расположены были жилища жрецов.

За кельями должен был быть более краткий путь к выходу. Они стали торопиться.

Спендий, присев на корточки у края водоема, вымыл окровавленные руки. Здесь спали женщины. Сверкал изумрудный виноград. Они пошли дальше.

Кто-то под деревьями бежал за ними; Мато, неся покрывало, чувствовал, что его тихонько дергают снизу. То был большой павиан – из тех, которые жили на свободе в ограде храма. Точно почуяв совершенную кражу, он цеплялся за покрывало. Они не решались отогнать его из боязни, что он поднимет крик; потом гнев его вдруг улегся, и, раскачиваясь, он пошел рядом с ними, свесив длинные руки. Подойдя к решетке, он одним прыжком очутился в листьях пальмы.

Выйдя из последней ограды, они направились ко дворцу Гамилькара. Спендий понял, что напрасно было бы удерживать Мато.

Они пошли по улице Кожевников, мимо площади Мутумбала, по Овощному рынку и Синасинскому перекрестку. На одном повороте встречный прохожий отскочил, испуганный сверканием, пронизавшим мрак.

– Спрячь заимф! – сказал Спендий.

Другие прохожие встретились им по пути, но не обратили на них внимания.

Наконец они узнали дома Мегары.

Маяк, стоявший позади, на вершине утеса, освещал небо большим красным заревом, и тень дворца с его нависавшими террасами падала на сады чудовищной пирамидой. Они вошли через изгородь из ююбы, обрубая ветви кинжалом.

Всюду сохранились следы пиршества наемников. Ограды были снесены, канавы высохли, двери эргастула раскрыты настежь. Никого не было видно ни у кухонь, ни у кладовых. Они удивились этой тишине, прерываемой лишь изредка

хриплым дыханием слонов, которые метались в путах, и треском огня на маяке, где пылал костер из ветвей алоэ.

Мато все повторял:

- Где она? Я хочу ее видеть. Проведи меня!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Гамилькара Барка (то есть «молния») – карфагенский полководец в 1-й Пунической войне (264–241 гг. до н. э.). Непрестанно тревожил прибрежную Италию нападениями из Сицилии. После морского поражения, нанесенного римлянами другому карфагенскому полководцу, Ганнону*, при Эгатских островах (241 г. до н. э.), Гамилькара заключил мир с Римом. Возвратясь в Карфаген, он жестоко подавил восстание наемных войск. После этого Гамилькара отправился на помощь карфагенским колониям в Испании, которую почти всю завоевал. Там он был убит (228 г. до н. э.).

*Ганнон – начальник карфагенского флота, разбитого в 241 г. при Эгатских островах римлянами. Вскоре после этого был распят в Карфагене.

2

Эрикская битва – сражение за город Эрике в Западной Сицилии, захваченной Гамилькаром Баркой во время 1-й Пунической войны. Римлянам так и не удалось выбить его оттуда, и он покинул свои укрепленные позиции только после заключения мира между Римом и Карфагеном.

3

Котурны – род высоких башмаков, зашнурованных до колен.

4

Скорпион – в данном случае большая боевая машина для метания стрел.

5

Эшмун – один из главных финикийских богов. Вместе с Ваал-Хаммоном (Камоном) и Танит входил в наиболее почитаемую триаду карфагенских божеств. Древними греками отождествлялся с богом-целителем Асклепием (римский Эскулап).

6

Лигуры – народность, населявшая южную часть древней Галлии. Отважные мореплаватели и солдаты, лигуры часто служили в наемных войсках.

7

Лузитанцы – жители древней Португалии (Лузитании).

8

Балеары – жители Балеарских островов у берегов Испании.

9

Кантабры – народность, населявшая Кантабрию, одну из областей древней Испании.

10

Карийцы – одна из древних народностей Малой Азии. Очень часто служили в наемных войсках.

11

Бруттиум, или Бруттий – область древней Италии, современная Калабрия.

12

Велариум – полотняный навес над амфитеатром для защиты зрителей от дождя и солнца.

13

Кампанья – в древности одна из плодороднейших областей Средней Италии.

14

Амфора – большой глиняный сосуд с узкой шейкой и двумя ручками; употреблялся для хранения жидкостей, особенно вина и масла, иногда украшался живописью.

15

Гискон – полководец в 1-й Пунической войне, участвовал в мирных переговорах с Римом в 241 г. Был послан Карфагеном в лагерь наемников и умерщвлен ими.

16

Талант – весовая единица в греческих мерах. Брусок золота или серебра весом в талант служил денежной единицей.

17

Лутаций – (Гай Лутаций Катулл) – римский консул, номинальный победитель в решающей морской битве при Эгатских островах, закончившей 1-ю Пуническую войну. На самом деле римским флотом командовал Публий Валерий Фальтон.

18

Дромадер (мегари) – одногорбый верблюд. Ввиду его высоких боевых качеств использовался в военной кавалерии.

19

Эргастул – римская каторжная тюрьма для рабов. Имелась у каждого крупного рабовладельца. Такие тюрьмы существовали и в Карфагене, откуда римляне заимствовали основы рабовладельческой агрономии.

20

Ваал (Баал; множественное – Баалим, собственно – «господин») – божество у семитских народов; обычно упоминается вместе с названием местности, господином которой данный Ваал является.

21

Когорта – часть римского легиона.

22

Танит – финикийская богиня, обычно покровительница какого-либо города-общины. Как показывают многочисленные благодарственные надписи, она пользовалась огромной популярностью в Карфагене, где занимала первенствующее положение, даже по сравнению с Ваал-Хаммоном. У Флобера носит еще ряд имен: Раббет, Ваалет, Милитта и др.

23

Гекатомпиль («стовратный») – греческое название древнеегипетского города Фивы.

24

Суффет – название двух главных должностных лиц Карфагенской республики. Обычно они были верховными судьями. Во время военных действий часто – главнокомандующими.

25

Мелькарт (буквально – «царь города») – верховное божество в древнем Тире. Почитался у финикийцев как основатель и покровитель колоний, дарующий победу над варварами. Некоторые пунические имена образованы от имени Мелькарт, – например, Гамилькар, что означает «Мелькарт – мой брат».

26

Тартес, или Таршиш – древний торговый город в Испании, расположенный на исчезнувшем к нашему времени острове в устье Гвадалквивира. Вел оживленную торговлю металлами.

27

Сикомора – египетская смоковница, дающая плоды вроде винных ягод.

28

Акрополь – укрепленная часть города, крепость.

29

Пирр (319–272 гг. до н. э.) – царь Эпира (древняя Греция). В 280–275 гг. до н. э. стоял во главе коалиции южно-итальянских городов, образовавшейся против Рима. В победоносной битве против римлян войска Пирра понесли огромные потери – отсюда выражение: пиррова победа.

30

Регий (Региум) – одна из наиболее древних греческих колоний в Южной Италии.

31

Молох – бог солнца, огня и войны у аммонитян, моавитян и финикийян; ему приносили человеческие жертвы (детей и пленников).

32

Утика – финикийская колония в Северной Африке, сохранившая до некоторой степени свою экономическую независимость от Карфагена.

33

Гоплиты – тяжеловооруженная греческая пехота.

34

Катапульта – боевая машина, метавшая камни и каменные ядра на расстояние до 300 м.

35

Лупанар – дом терпимости у древних римлян.

36

Трирема – военный корабль (галера) с тремя этажами весел.

37

Гараманты – народ, обитавший в Центральной Африке, предки современных туарегов.

38

Дрепан – сицилийский порт, у которого римский флот под командой консула Публия Клавдия был разбит карфагенским адмиралом Атарбасом (249 г. до н. э.).

39

Тетрарх – управляющий частью области во времена Римской империи.

40

Кротал – ручной ударный музыкальный инструмент древних греков и римлян, похожий на кастаньеты; им пользовались преимущественно в танцах.

41

Кабиры – семь финикийских «великих божеств». С конца VI в. до н. э. им были посвящены мистерии, справлявшиеся на греческом острове Самофракия.

42

Ксантипп – спартанский полководец, приглашенный Карфагеном для борьбы с римлянами во время 1-й Пунической войны. Нанес решительное поражение римскому экспедиционному корпусу под командой Атилия Регула (255 г. до н. э.). Рассказы о неблагодарности карфагенян, якобы умертвивших Ксантиппа после одержанной им победы, не соответствуют действительности.

43

Патэки – финикийские божества, карлики. Их изображениями обычно украшали нос корабля.

44

Коммагена – область Северной Сирии.

45

Гадес – финикийская колония в Испании, впоследствии город Кадис.

46

Бирса – карфагенская цитадель.

47

Волюта – лепное украшение в верхней части колонны.

48

Гиппо-Зарит (современная Бизерта) – одна из старейших финикийских колоний в Северной Африке, была в зависимости от Карфагена.

49

Лептис, Малый и Большой – города в Северной Африке, зависевшие от Карфагена.

62

Полемарх – один из девяти архонтов, высших правителей древних Афин, ведавший военными делами государства. Здесь – военачальник.

63

Дионисий – имя двух сиракузских тиранов. Более значителен Дионисий I, или Старший (431–367 гг. до н. э.); он вел длительную и упорную борьбу с Карфагеном за обладание всей Сицилией.

65

Агафокл (360–289 гг. до н. э.) – сиракузский тиран. В 310 г. предпринял осаду Карфагена.

Купить: <https://tellnovel.com/gyustav-flober/salambo-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)